

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

**ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**КАФЕДРА РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

**СРАВНЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ.
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Выпускная квалификационная работа

обучающегося по направлению подготовки 45.04.01 Филология,
магистерская программа «Теоретические и прикладные аспекты перевода»
заочной формы обучения, группы 04001455
Бараховича Сергея Юрьевича

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент кафедры романо-
германской филологии и
межкультурной коммуникации
Шерстюкова Е.В.

Рецензент:

к.ф.н., доцент кафедры английской
филологии и
межкультурной коммуникации
Дехнич О.В.

Белгород 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Функционально-стилистические особенности сравнений	
1.1. Сравнение и его функции	8
1.2. Сравнение как средство наглядности и образности	11
Выводы по главе I	14
Глава 2. Структурно-семантическая классификация сравнений	15
2.1. Классификация сравнений по их прагматическому воздействию	15
2.1.1. Сравнения, возникающие на основе прямого значения	16
2.1.2. Сравнения, созданные на основе переносного значения	17
2.2. Классификация сравнений по частотности их употребления в языке	18
2.2.1. Устойчивые сравнения или компаративные фразеологизмы ...	19
2.2.2. Индивидуальные (авторские) сравнения	25
2.3. Классификация сравнений в зависимости от их структуры	29
2.3.1. Простые сравнения	29
2.3.2. Компаративные сложные прилагательные	30
2.3.3. Распространенные сравнения	30
2.3.4. Придаточные ирреального сравнения	32
2.3.5. Развернутые сравнения	33
Выводы по главе II	36
Глава 3. Перевод языковых и речевых сравнений	37
3.1. Способы перевода устойчивых сравнений (компаративных фразеологизмов)	37
3.1.1. Компаративные фразеологизмы, в основе которых лежат	

образы растительного мира	49
3.1.2. Компаративные фразеологизмы, в основе которых лежат образы животного мира	52
3.1.3. Историческая эпоха в компаративных фразеологизмах	78
3.2. Перевод немецких компаративных сложных прилагательных	58
Выводы по главе III	71
Заключение.....	72
Библиография	74
Список основных источников эмпирического материала	78

ВВЕДЕНИЕ

Среди всего многообразия образных средств особое место принадлежит сравнению. Сравнение лежит в основе большинства тропов. «В системе разнообразных поэтических средств выразительности сравнение является начальной стадией, откуда в порядке градации и разветвления вытекают почти все остальные тропы – параллелизм, метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота и пр. В сравнении – истоки поэтического образа» [Квятковский 1966: 280].

Предметом нашего исследования являются сравнения немецкого языка, функционирующие в языке и художественной речи. Сравнения – важный материал для изучения механизмов познания мира человеком. В сравнениях находят свое отражение особенности национальной культуры языковой общности. Разнообразие выполняемых ими функций позволяет нам определить исследование сравнений как *одну из актуальных задач современной лингвистики*. Перевод сравнений представляет собой не менее актуальный, но и недостаточно освещенный вопрос в области переводоведения. Сравнения функционируют как в устном повседневном общении, так и в текстах различной стилевой направленности, будь то публицистика или научная литература. Ими пестрят произведения художественной литературы, как прозаические, так и поэтические. И совершенно неудивительно, что перевод сравнений нередко вызывает трудности, поскольку, что приемлемо в одном языке, может быть не воспринято должным образом на другом языке. Таким образом, **объектом** нашего исследования является изучение функционально-семантических особенностей сравнений, рассмотрение их сопоставительных характеристик и выведение способов и приемов перевода сравнений.

Исследованию сравнений русского языка посвятили свои работы В.В. Виноградов, Л.А. Лебедева, Н.А. Широкова, В.А. Маслова и другие ученые. Были составлены словари устойчивых сравнений русского языка: «Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии» В.М. Огольцева, «Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии» Л.А. Лебедевой. Изучением сравнений

немецкого языка занимались Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс, М.П. Брандес, Н.М. Наер, Н.А. Богатырева, Л.А. Ноздрина. Устойчивые сравнения немецкого языка вошли в состав следующих словарей: «Словарь немецкой идиоматики» редакции Duden, «Немецко-русский фразеологический словарь» Л.Э. Биновича, «Словарь наречий, адвербиальных словосочетаний и эквивалентов слов» Е.В. Юдиной.

Целью нашей работы является рассмотрение классификаций сравнений, а также выведение возможных способов перевода отдельных групп сравнений.

Из цели вытекают следующие **задачи**:

1. Дать дефиницию понятия «сравнение»;
2. Рассмотреть выполняемые им функции;
3. Раскрыть принцип образования сравнения;
4. Определить положение сравнения среди средств наглядности и образности;
5. Рассмотреть классификации сравнений;
6. Вывести способы перевода устойчивых сравнений и компаративных сложных прилагательных.

Значимость теоретического исследования нашей работы заключается в анализе и систематизации классификаций сравнений немецкого языка, ранее предложенных лингвистами (Н.А. Богатыревой и Л.А. Ноздриной, Н.М. Наер, Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс), а также в их дополнении (в частности, более полном изложении структурной классификации сравнений).

Значимость практического исследования состоит в рассмотрении значительного эмпирического материала (в работе приведено более трехсот примеров немецких сравнений), а также в выведении возможных способов перевода отдельных групп сравнений, а именно устойчивых, культурно-специфических сравнений и компаративных композитов. На наш взгляд, вопросы передачи вышеупомянутых групп сравнений представляют особый интерес в области переводоведения.

В нашей работе мы, вслед за М.Д. Степановой и И.И. Чернышевой, рассматриваем устойчивые сравнения как компаративные фразеологические единицы. В литературе по фразеологии типичным до настоящего времени являлось либо полное игнорирование устойчивых сравнений, либо упоминание этих единиц вскользь в общем составе фразеологизмов (прежде всего, С. Влахов и С. Флорин «Непереводимое в переводе»).

В качестве источников эмпирического материала были использованы произведения Э.М. Ремарка (роман «Триумфальная арка»), Ф. Дюрренматта («Судья и его палач»), М. Энде («Бесконечная история»), новеллы С. Цвейга, роман П. Зюскинда «Парфюмер», а также различные публицистические тексты, лингвострановедческий словарь Д.Г. Мальцевой и другие словари. Таким образом, мы исследовали немецкие сравнения, как на уровне языка (словари), так и на уровне речи (художественная литература, публицистика).

В последнее время появились сопоставительные работы, направленные на изучение общих и уникальных свойств сравнений русского и немецкого языков. Так, были защищены диссертации, в которых подробно изложены структурно-семантические и функционально-стилистические особенности сравнений (Э.А. Ружицкая «Особенности степеней сравнения в лексике немецкого языка», Н.С. Федосеева «Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке»), сравнение трактуется как основополагающая категория в формировании национальной и индивидуальной картины мира (Захарова Т.В. «Концепт сравнение и его репрезентация в немецком и русском языках»). Г.Л. Денисова в диссертации «Когнитивный механизм сравнения в немецком языке» рассматривает сравнения с позиций когнитивистики как средство познания окружающего мира, а также осуществляет комплексный анализ сравнения, исследуя его структуру, текстовый потенциал и дискурсивный аспект. Однако, исследования, посвященные проблемам перевода сравнений немецкого языка, в особенности устойчивых, не проводились. В последнее время вопросы перевода сравнений начинают разрабатываться на материалах других иностранных языков,

например, английского (А.А. Рыженкова «Авторские преобразования устойчивых сравнений как объект перевода»).

В свете вышеизложенного, исследуемая нами тема является *актуальной* как в свете структурных, функционально-семантических особенностей сравнений, так и для теории переводоведения.

Новизна дипломной работы заключается в том, что в ней рассматриваются в сопоставительном плане группы сравнений немецкого и русского языков, впервые выявляются возможные способы воспроизведения в ПЯ устойчивых и в их составе культурно-специфических сравнений, а также компаративных композитов на материале немецкого языка.

В ходе исследования были использованы следующие *методы*: метод сопоставления оригинальных текстов и их перевода, метод компонентного анализа, методы наблюдения и дистрибуции, а также количественный метод.

Дипломная работа состоит из трех глав. В первой главе мы даем определение исследуемого явления, останавливаемся на функциях сравнения, рассматриваем его как средство наглядности и образности. Во второй главе мы приводим различные классификации сравнений немецкого языка, основываясь на уже предложенных лингвистами. Так, в классификациях мы выделяем различные группы сравнений в зависимости от их прагматического воздействия, от частотности их употребления в языке, и, наконец, от их структуры. Третья глава нашей работы посвящена проблемам перевода основных и наиболее обширных групп сравнений: устойчивых сравнений, акцентируя внимание на культурно-специфических, и компаративных сложных прилагательных.

ГЛАВА 1. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНЕНИЙ

1.1. Сравнение и его функции

Выразительность речи достигается различными средствами, в первую очередь, использованием тропов. «**Тропы** (от греч. *tropos* – поворот, оборот речи) – употребление слова в образном смысле, при котором происходит сдвиг в семантике слова от его прямого значения к переносному» [Прохоров 2000: 1607]. В основе тропа лежит сопоставление двух понятий, которые представляются нам близкими в каком-то отношении. Речь, оснащенная тропами, называется *металогической*.

«**Сравнение** – одно из самых распространенных средств изобразительности в металогической речи. Сравнения широко используют поэты; к ним прибегают ученые, чтобы популярно объяснить какое-либо явление; их используют публицисты как средство яркой речевой экспрессии» [Голуб 2004: 130-131].

В словаре лингвистических терминов находим следующие определения сравнения:

«**сравнение** – троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [Розенталь, Теленкова 1985: 337];

«**сравнение** – фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [Ахманова 2005: 449].

Сравнение реализуется не только на лексическом уровне: сравнение может быть выражено и словом, и словосочетанием, и сравнительным оборотом, и придаточным, и даже самостоятельным предложением или сложным синтаксическим целым.

Э. Сепир определил сравнение как самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету. Культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема

тождества и различия. О. Мандельштам писал в «Разговоре с Данте»: «Я сравниваю – значит, живу» [Маслова 2004: 144]. Философу и ученому Николаю Кузанскому принадлежат следующие слова: «Всякое исследование основано на сравнении и пользуется средством сопоставлений» [Ермишин 2006: 590].

Обратимся к вопросу, какие функции может выполнять сравнение. Так, автор диссертации, посвященной комплексному исследованию функционирования сравнений в языке радиовещания ФРГ, выделяет следующие функции, которые сравнение выполняет в радиовещании и прессе: служит средством создания образов, привлекает и удерживает внимание слушателя (читателя), стимулирует умение мыслить ассоциативно, увеличивает объем информационного содержания [Левина 2006].

Итак, сравнение в стилистике – это сопоставление двух явлений с тем, чтобы пояснить одно из них при помощи другого. Сравнение служит для создания в тексте художественной выразительности. В этом проявляется его *стилистическая функция* [Розенталь 1974: 339].

Специфическое национальное видение мира отражается в семантике устойчивых и культурно-специфических сравнений. Они могут выступать как способ познания мира, способ закрепления результатов этого познания в культуре.

Сравнение – не только способ представления эмоции и оценки говорящего (автора), но и сигнал для их обнаружения читателем. Оно создает особый экспрессивный подтекст. Все это способствует тому, что эффект восприятия сравнения можно уподобить не сумме сравниваемых «кусков» мира, а их произведению; вероятно, это объясняется следующим: сближаемые в сравнении элементы мира, помимо сходства, являются в значительной мере различными. Принадлежность сравниваемых объектов к далеким сферам влечет за собой целый шлейф дополнительных ассоциаций, не только увеличивает информацию, но и усиливает экспрессивный эффект: чем дальше друг от друга в реальности сравниваемые объекты, тем ярче их экспрессия. В этом проявляется также

эвристическая функция сравнений: они позволяют глубже и шире познать реалии мира, осмыслить их с самых различных, часто неожиданных сторон [Маслова 2004: 148].

В филологии сравнение рассматривается как один из видов тропа (хотя это спорный вопрос), в психологии как один из мыслительных процессов, в философии – как мощное средство познания мира.

Теоретическое осмысление устойчивых сравнений началось в отечественной лингвистике в 60-е годы XX в. Одним из первых на них обратил внимание В.В. Виноградов как на особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристичностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью.

Сравнения, в основу которых положены особенно яркие образы, широко используются в произведениях художественной литературы. Они оживляют существующие в сознании языковой личности редуцированные, нечеткие образы, которые, составляя систему, слагаются в один образ современной прозы, какой ее воспринимает автор. Здесь, помимо прочих, сравнение выполняет **структурно-композиционную функцию**, ибо система образов, как в строительных лесах, выстраивается в рамках сравнений.

Какова **прагматическая функция** таких сравнений? Они нужны для иллюстрации сложных идей. Яркий и неожиданный образ помогает пониманию, запоминанию, в нем сильно убеждающее начало. Старое и давно известное в таких сравнениях предстает преображенным и переосознанным. Сравнение здесь не есть украшение речи, текста, оно суть, способ более широкого видения мира. Открывая мир, такие сравнения как бы диктуют реципиенту определенное настроение.

Сравнение выполняет также **текстообразующую функцию** – оно строит текст-сравнение. Образ, лежащий в основе развернутого сравнения, может

проходить через довольно большие тексты, он вырастает при этом в образ-символ.

1.2. Сравнение как средство наглядности и образности

Изобразительно-выразительный образ возникает на основе переноса прямого значения слова из одной смысловой сферы на слово, обозначающее предмет или лицо из другой предметно-смысловой сферы. Связь двух слов осуществляется на базе «третьего члена», в котором содержится общее свойство двух сопоставляемых величин. В немецком языке это определяется как *Vergleichsbasis*, в латинском – как *tertium comparationis*. «Tertium comparationis – то общее, что присуще сравниваемым объектам и что позволяет корректно сравнить их между собой, выявить их особенности, положительные и отрицательные параметры» [Латышев 2008: 23]. Понятия соединяются при помощи сравнительных союзов (*wie, als ob, als*) или глаголов сравнительной семантики (*gleichen, ähneln*). Сравнения могут возникать как на основе прямых значений понятий, так и на основе переносного значения одного из них. Но, как отмечают Н.А. Богатырева и Л.А. Ноздрина, обе разновидности сравнения сводятся к тому, что оно остается средством образного выражения, так как посредством соединения понятий из различных смысловых сфер возникает третий образ, не совпадающий ни с первым ни со вторым понятиями [Богатырева, Ноздрина 2008: 132-133].

Образные выражения, вызывая в сознании человека яркие образы и ассоциации, способствуют более ясному представлению и более полному пониманию конкретных и абстрактных понятий. Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс, в главе книги «Стилистика немецкого языка», посвященной средствам **общей образности** (*Bildkraft*), останавливаются на характеристике двух ее компонентов: **наглядности** (*Bildhaftigkeit*) и **образности** (*Bildlichkeit*).

Наглядность (в нем. также *Anschaulichkeit, Sinnfälligkeit*) вытекает из лексической структуры отдельных слов и выражений на основе прямого значения. Этот вид общей образности применим к изолированным лексемам языковой системы (парадигматический аспект), в грамматике он отсутствует. Наглядными

являются все слова языковой системы, которые воспроизводят предметы, процессы и явления окружающей действительности при простом их названии без контекста в нашем сознании так живо и объемно, что они вызывают зрительное, слуховое, обонятельное восприятие, вкусовые и тактильные ощущения. Мы называем их наглядными, поскольку они с помощью заключенных в их лексическую структуру семантических и стилистических компонентов значения приносят в общее понятие мелкие детали, и таким образом, постепенно придают представляемому нами образу более четкие очертания. Таким образом, чем богаче семантический состав слова, тем нагляднее и выразительнее становится его смысловой объем [Ризель, Шендельс 1975: 205-206].

Н.М. Наер, говоря о средствах наглядности, выделяет следующие языковые явления:

- выбор подходящего слова из тематических и синонимических рядов;
- правильное функциональное употребление того или иного лексического поля;
- выбор соответствующей нормативно-экспрессивной стилистической окраски и т.д. [Наер 2006: 204].

Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс отмечают также разную степень образности смысловых единств языковой системы. Они показывают это на примере глаголов *gehen* и *trippeln*. Лексема *gehen* дает визуальное представление о передвижении человека со сравнительно низкой степенью образности, не называя каких-либо уточняющих деталей. Глагол *trippeln*, с включенной в его лексическую структуру дополнительной семой «идти частыми, мелкими шагами», напротив, демонстрирует конкретный вид ходьбы. И мы сразу представляем ребенка, с его маленькими ножками, едва поспевающего за мамой, или же девушку, узкая юбка которой мешает идти более широкими шагами.

Образность (в нем. также *Übertragung*) возникает на основе синтагматически обусловленного переноса значения или замены понятий. Она может быть определена в конкретном контексте, присутствует как в лексике, так и в

грамматике, хотя и в разных формах. Здесь речь идет о переносе значения слова из одной смысловой сферы, где оно является общеупотребительным и понятным, в другую, где оно неузуально. Главным средством образного выражения является метафора. Например, пациент говорит о вылеченной руке: «*Mein Arm ist wunderbar repariert worden*». Таким образом, создается некий комический эффект. Ведь мы знаем, что *reparieren*, т.е. *чинить, ремонтировать* можно лишь предметы: машину, куклу, одежду и т.д. [Ризель, Шендельс 1975: 207].

Большинство лингвистов (Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс, Н.А. Богатырева, Л.А. Ноздрина, Н.М. Наер) отводят сравнению как стилистическому средству промежуточное положение между средствами наглядности и образности. Приведенная ниже схема наглядно показывает это.

Схема 1

Необходимо также отметить, что такая точка зрения является спорной. Некоторые исследователи строго различают сравнения и тропы, другие же, напротив, стирают границу между ними и рассматривают сравнение как простейший вид тропов [Sowinski 1991: 255].

Выводы по главе I

В первой главе нашей работы мы дали несколько дефиниций понятия «сравнение», а также рассмотрели выполняемые им функции. Сравнение является одним из самых распространенных приемов изобразительности и выразительности. Оно представляет собой сопоставление двух понятий из разных предметно-смысловых сфер с тем, чтобы пояснить одно из них при помощи другого. Их связь осуществляется на базе *tertium comparationis*, так называемого «третьего члена», в котором содержится общее свойство двух сопоставляемых понятий. Сравнения могут возникать как на основе прямых значений понятий, так и на основе переносного значения одного из них. В связи с этим, многие лингвисты (среди них Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс, Н.М. Наер) отводят сравнению промежуточное положение среди средств наглядности и образности.

Сравнение может выполнять в тексте разнообразные функции. Среди них:

- 1) стилистическая функция, проявляющаяся в создаваемой сравнением художественной выразительности;
- 2) эвристическая функция, заключающаяся в том, что сравнения могут выступать в качестве способа познания мира и закрепления этого познания в культуре (речь идет об устойчивых, культурно-специфических сравнениях);
- 3) структурно-композиционная функция – речь идет о системе ярких образов, которую на основе сравнений выстраивает автор художественного произведения;
- 4) прагматическая функция, заключающаяся в возможности иллюстрировать с помощью сравнений сложные идеи.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СРАВНЕНИЙ

В нашей работе мы, вслед за Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс и Н.М. Наер, будем придерживаться идеи о промежуточном положении сравнений среди средств наглядности и образности. При этом мы сталкиваемся с определенными трудностями при их классификации. Тем не менее, попытаемся рассмотреть это важное стилистическое средство и систематизировать имеющуюся информацию, исходя из различных принципов.

Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс в книге «Стилистика немецкого языка» приводят несколько возможностей классификации сравнений.

2.1. Классификация сравнений по их прагматическому воздействию

Сравнения по их прагматическому воздействию можно разделить на две группы: сравнения, возникающие на основе прямого значения (рационально-уточняющие), и сравнения, созданные на основе переносного значения [Ризель, Шендельс 1975: 208-210].

Л.С. Бархударов определяет *прагматическое значение* как «отношение между знаком и человеком (точнее, человеческим коллективом), пользующимся данным знаком», и отмечает также, что «с проблемой передачи прагматических значений тесно связан вопрос о передаче при переводе метафорических значений слов. Как известно, эти значения часто возникают в результате метафорического переноса названия с одного предмета на другой, основанного на эмоционально-оценочной характеристике данного слова. Исходным пунктом такого переноса нередко служат эмоционально окрашенные сравнительные обороты, такие как русские *хитер как лиса*, *глуп как осел*, *труслив как заяц*. Такого рода обороты возникают на основе свойственного всем народам приписывания животным (и неодушевленным предметам) человеческих черт и качеств, которые затем как бы «обратно» переносятся на человека. Следует, однако, иметь в виду, что не у всех

народов одним и тем же животным приписываются одинаковые качества; в этой связи «внутренняя форма» такого рода сравнений в разных языках может быть различной» [Бархударов 1975: 105, 120-121].

2.1.1. Сравнения, возникающие на основе прямого значения

Сравнения, возникающие на основе прямого значения, так называемые рационально-уточняющие сравнения (*rational präzisierende Vergleiche*) без сомнения можно отнести к средствам наглядности. Например: *In dieser Wohnung ist das Arbeitszimmer ebenso groß wie das Schlafzimmer*. В данном предложении объективно и достоверно говорится о том, что кабинет и спальня определенной квартиры имеют одинаковую площадь. Такого рода сравнения, как правило, можно встретить в произведениях научного и публицистического стиля, а также в повседневной жизни.

Ähnlich einschneidend wie der Mauerfall wirkte der 11. September [Гильченко, 279].

Karten in den Fluren, groß wie Wandteppiche, Karten in Büros, gespickt mit bunten Stecknadelköpfen, die Außenstellen, Informationszentren, Lektorenstellen bezeichnen [Гильченко, 277].

Рационально-уточняющие сравнения нередко входят в семантическую структуру микроконтекстов, выраженных прилагательными или существительными (т.е. являются одним из компонентов композитов). Например, *messerscharf* (острый как нож), *honigsüß* (сладкий как мед), *mit Bienenfleiß arbeiten* (работать с неутомимым трудолюбием / работать как пчелка), *hundemüde* (усталый как собака), *taghell* (светло как днем), *aschgrau* (непелено-серый). Довольно интересные примеры сложных существительных мы встретили в произведениях Ремарка:

Das Licht liebt sie nicht, diese Holzseelen, deshalb vergisst es sie und lässt sie lange leben [Ремарк, 16]. – Солнце не любит эти деревянные души, оно забывает о

них. Потому-то они и живут бесконечно долго [Ремарк – пер. Шрайбера, Б.Г. Кремнева].

Die Schwester lächelte über ihr Apfelgesicht [Ремарк, 124]. – *Круглое, как яблоко, лицо девушки расплылось в улыбке* [Ремарк – пер. Шрайбера, Б.Г. Кремнева].

Bist du nicht mein Glück ohne Wurzel? Mein Wolken- und Scheinwerferglück? [Ремарк, 206] – *Разве ты не мое счастье – счастье без корней? Легкое, как облако, и яркое, как луч прожектора?* [Ремарк – пер. Шрайбера, Б.Г. Кремнева].

При переводе подобных индивидуальных авторских образований необходим, как правило, особый подход.

Отметим, что термины из различных областей науки также могут заключать в себе объективно-уточняющие сравнения. Так, например, слово *das Mantelgesetz* обозначает закон, содержащий только общие положения, подлежащие конкретизации в специальных постановлениях. Это относится и к его синониму *das Rahmengesetz* [Ризель, Шендельс 1975: 209].

Нередко сравнения, входящие в структуру композитов, являются образными. На основании последних примеров мы можем судить, настолько порой сложно провести грань между сравнением и метафорой.

2.1.2. Сравнения, созданные на основе переносного значения

Сравнения этой группы образны, зачастую гиперболичны, эмоциональны и субъективны. Например, «*Du hast ja Nerven wie Stricke!*» говорят с восхищением или, в зависимости от ситуации, с добродушной усмешкой человеку, которого трудно вывести из состояния душевного равновесия. В основе этого гиперболического сравнения лежит понятие прочности: непоколебимость человека не уступает прочности канатов.

Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс указывают также на то, что выразительное образное сравнение может способствовать языковой экономии, так как оно, выраженное кратко, всего несколькими словами, приводит к быстрой смене

картинок. В качестве примера приведем сравнение «*Hände wie die Krallen eines Geiers*», в котором описываются руки судьи-фашиста. Этот наглядно-динамический образ с молниеносным переходом между двумя явлениями из различных смысловых полей представляет нечто новое, не заключенное ни в одном из двух сравниваемых слов, а находящееся между ними новое, имплицитно выраженное сравнением понятие – фашизм в зверином облики [Ризель, Шендельс 1975: 210].

Таким образом, *tertium comparationis* может выражаться в сравнении как имплицитно, так и эксплицитно.

Er gleicht einem gesunden Seehund [Ремарк, 18]. – *Похож на пышущего здоровьем тюленя* [Ремарк – пер. Шрайбера, Б.Г. Кремнева]. Сравнение имплицитно показывает, что идет речь о человеке плотного телосложения.

Die Hitze lag wie Blei über dem Friedhof [Зюскинд, 5]. – *Жара как свинец лежала над кладбищем* [Зюскинд – пер. Венгеровой]. Сравнение имплицитно передает тяжелое, гнетущее действие жары на человека. Читатель понимает это путем логического развития понятия «свинец».

Das grille Licht machte die Tücher noch weißer, wie frischer Schnee... [Ремарк, 99] – *В резком электрическом свете салфетки казались белее свежесыпавшего снега...* [Ремарк – пер. Шрайбера, Б.Г. Кремнева]. Белизна салфеток выражена эксплицитно.

Ein fremdes Zimmer, Nacht, und draußen – wie ferne Trommeln – das monotone Klopfen des Regens [ebenda, 75] – *Чужая комната. Ночь... А на улице, как далекая барабанная дробь, монотонный стук дождя...* В этом сравнении дождя с барабанной дробью, *tertium comparationis* (монотонность) выражен эксплицитно.

2.2. Классификация сравнений по частотности их употребления в языке

В зависимости от степени распространенности сравнений и частоты их употребления представителями определенной языковой общности мы

рассматриваем в нашей работе две группы: устойчивые и индивидуальные (авторские, окказиональные) сравнения.

2.2.1. Устойчивые сравнения или компаративные фразеологизмы

Устойчивые сравнения понятны большинству носителей языка. Смысловые сферы, на основании которых возникает *tertium comparationis*, могут заимствоваться из ближайшего окружения человека: быт и культура, животный и растительный мир, явления природы. Устойчивые сравнения могут употребляться во многих функционально обусловленных ситуациях письменного или речевого общения и не только в произведениях художественной литературы. Сравнения рождаются в условиях повседневного общения почти всегда спонтанно, но не выходят за рамки понимания реципиента и не создают большого эффекта отчуждения. Когда говорят *Du bist heute wie Schlagsahne*, возникает спонтанное сравнение, воздействующее на восприятие, интерпретацию и реакцию реципиента. Такое сравнение подразумевает позитивную реакцию реципиента. Он должен быть, по меньшей мере, польщен, когда его сравнивают с аппетитными сбитыми сливками [Богатырева, Ноздрина 2008: 133].

В данной работе мы, как М.Д. Степанова и И.И. Чернышева, считаем устойчивые сравнения компаративными фразеологизмами. К разряду фразеологических единиц причисляют такие сравнения также С. Влахов и С. Флорин. Таким образом, **компаративные фразеологизмы** представляют собой устойчивые воспроизводимые словосочетания, в основу которых положено традиционное для определенной языковой общности сравнение.

От сравнений индивидуального характера устойчивые сравнения отличаются своим обобщающим значением, которое, в добавление к этому, узуализировано [Степанова, Чернышева 2005: 190]. Для компаративных фразеологизмов характерны высокая или низкая степень наличия какого-либо качества, интенсивность действия, положительная или негативная оценка.

М.Д. Степанова и И.И. Чернышева выделяют несколько синтаксических моделей компаративных фразеологизмов:

Adj + Konj + S (адъективные компаративные фразеологизмы): *schnell wie der Wind, bleich wie der Tod, stolz wie Pfau*;

S + Konj + S (субстантивные компаративные фразеологизмы): *ein Gedächtnis haben wie ein Sieb, ein Gesicht machen wie drei Tage Regenwetter*;

V + Konj + S (вербальные компаративные фразеологизмы): *arbeiten wie ein Pferd, schlafen wie ein Dachs, essen wie ein Spatz*.

Из вышеприведенных моделей видно, что структура устойчивого сравнения представлена двумя составляющими: *tertium comparationis* (сравнительная основа) и *comparatum* (сравнительная группа).

В случае компаративных фразеологизмов семантическая трансформация заключается в том, что сравнение или сравнительная группа на основе принимаемой в расчет составляющей (*tertium comparationis*), которая может быть выражена прилагательным, наречием, глаголом или существительным, приобретает значение интенсивности какого-либо качества или процесса. Так, одна и та же сравнительная группа, соединяясь с различными составляющими, может принимать разные значения, как положительные, так и негативные: *stark wie ein Bär* (= sehr stark) и *plump wie ein Bär* (= sehr plump, ungeschickt).

В современной лингвистике существуют различные точки зрения касательно двухчленной структуры компаративных фразеологизмов. Некоторые лингвисты считают первую часть устойчивых конструкций (прилагательные, существительные и т.д.) их непосредственной составляющей. Согласно другой точке зрения, такие лексемы, выступающие в устойчивых сравнениях не в переносном значении, не входят в их состав.

Компаративные фразеологизмы преимущественно относятся к литературно-разговорному и фамильярному стилям. Нередко на их основе строятся гиперболы, напр.: *toben wie zehn nackte Wilde im Schnee* (ugs., scherzh.), *etw. wie saueres Bier ausbieten* (ugs.) [Бинович, 98].

Немалое количество компаративных фразеологизмов литературно-разговорного и особенно фамильярного стиля построено на шутке и гротеске и зачастую имеет ярко выраженную негативную окраску [Степанова, Чернышева 2005: 189-191]. Напр.:

das passt wie die Faust aufs Auge (= *das passt überhaupt nicht*) – *идет как корове седло* [Бинович, 185];

er geht, als hätte er ein Lineal verschluckt (= *aufrecht und steif*) – *он словно аршин проглотил* [Бинович, 408];

er macht ein Gesicht, wie eine Eule am Mittag (= *er sieht verschlafen aus*) – у него заспанное лицо [Москальская, 446];

schwimmen wie eine bleierne Ente (= *nicht schwimmen können*) – *плавать как топор* [Бинович, 171].

В научном и публицистическом стилях сравнения нередко используются не только для наглядности, но также для пояснения встречающихся понятий. Такие сравнения также являются традиционными, нацеленными на понимание всеми носителями языка, например: *Masse wie Brei, Teig, dicke Sahne* или *die Entscheidung kam wie ein Blitz* [Богатырева, Ноздрина 2008: 134]. Или: *Öffentlichkeit gehört zur Demokratie wie Luft zum Atmen* [Гильченко, 256]. – *Публичность – такая же неотъемлемая составная часть демократии, как воздух для дыхания.*

Сопоставляя устойчивые сравнения немецкого и русского языков, приходим к выводу, что, несмотря на сходство определенного количества сравнений, большей частью они в значительной степени отличаются.

Сравнение – это не только один из самых распространенных приемов выразительности, но и важный материал для постижения механизмов познания мира человеком. В них ярко представлена языковая картина мира, эталоны и стереотипы национальной культуры, мировидение всего языкового коллектива. Под **языковой картиной мира** понимается «совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме» [Маслова 2004: 64]. Анализ языковой картины

мира позволяет исследовать механизм создания сравнений. В языке находит отражение, прежде всего, то, что необходимо для практической и духовной жизни человека.

Первое, что определяет тот или иной национальный характер, – это природа, среди которой народ живет и вершит свою историю. В каждом языке в основе многих языковых единиц лежат названия окружающего человека мира: растений, животных, птиц и т.д. В то же время каждая страна обладает своими особенностями, которые находят свое отражение, как в отдельных словах, так и в устойчивых словосочетаниях. Национальное бесконечно богато и разнообразно. И хотя понятия и ситуации, лежащие в основе отдельных языковых единиц, у разных европейских народов имеют много общего, так как основаны на определенной общности быта, природных условий, животного мира, но «у каждого народа свой союз с природой» [Мальцева 2001: 25].

Сходство сравнений, равно как и связанных с ними ассоциаций, объясняется общностью тех или иных предметов окружающей действительности. Напр.: *gespannt wie eine Saite* [Цвейг, 8] – *натянутый словно струна* [Цвейг – пер. Горфинкеля];

leicht wie eine Feder – *легкий как перышко* [Москальская, 461];

hungrig wie ein Wolf – *голодный как волк* [Москальская, 603];

sich winden wie eine Schlange – *извиваться как змея* [Москальская, 305];

wie vom Donner gerührt dastehen – *будто громом пораженный* [Москальская, 350].

Различие фразеологизмов немецкого и русского языков объясняется тем, что в сравнениях находят отражение образы, являющиеся традиционными лишь для определенного языкового коллектива. Такие устойчивые сравнения называются **культурно-специфическими**. Напр.: *sie sieht aus wie eine Pfingstrose* – *она хороша как роза* [Бинович, 497]; *rangehen wie Blücher* – *действовать решительно* [Мальцева, 68].

В.М. Мокиенко утверждает, что «даже устойчивое сравнение «*поет как соловей*», которое может показаться фразеологической универсалией из-за

естественной метафоричности образа, лежащего в его основе, на проверку обладает ярко выраженной национальной специфичностью, ибо во многих других языках положительная оценка поющего выражается другим символом. Во французском языке, например, оборот «петь как соловей» передается сравнением «chanter comme une fauvette» (букв. «петь как малиновка»)» [Мокиенко 1987: 173].

Так, «национальное своеобразие может проявляться в типичных ассоциациях, связанных с тем или иным образом, т.е. в национальной специфике образной основы. Образная основа в немецком и русском фразеологизмах может быть одной и той же, но она порождает разные по своим значениям единицы, так как сами понятия, стоящие за этими образами, получают разную культурно-историческую коннотацию» [Мальцева 1991: 14].

Довольно обширная группа культурно-специфических сравнений основывается на существующих культурных, исторических и литературных традициях. Такие сравнения восходят к культурно-специфическим ментальным концептам, которые служат своего рода ключами для их понимания. Степень их понимания и признания определенной культурной общностью можно определить, лишь исходя из того, всем ли, не всем, меньше чем половине или около трети носителей языка в зависимости от уровня их образования хорошо известны традиции, исторические факты, литературные произведения данной культурной общности. Выражение *Er verhält sich wie Napoleon* хорошо понятно большинству европейцев из-за значимости события, положенного в основу сравнения. Однако, несмотря на почти стопроцентную степень понимания этого сравнения в европейской культурной общности все же могут возникать трудности при его восприятии, обусловленные, как правило, ограниченными знаниями как следствие низкого культурного уровня. Аналогичное сравнение *Er verhält sich wie ein Pluschkin* ясно лишь представителям русскоязычной культурной общности [Богатырева, Ноздрина 2008: 134].

Многим представителям европейской культурной общности будут понятны такие сравнения как: *dumm wie Stroh* (голова набита соломой; глуп как пробка),

dürr wie eine Spindel (худой как щепка; тощий как жердь), *langsam wie eine Schildkröte* (медленный как черепаха), *stumm wie ein Fisch* (нем как рыба) и другие. Подобные выражения основываются на практике и опыте европейцев. Но не исключается и то, что сравнение *glatt wie ein Aal* (скользкий как угорь, изворотливый) не может восприниматься культурами, в которых отсутствует представление об этой рыбе и где даже не знают, что это рыба. Русскоязычный же реципиент столкнется с определенными трудностями при «расшифровывании» немецкого сравнения *tot wie eine Maus*, хотя они не являются непреодолимыми, поскольку в обеих общностях преобладают сходства в их культурно-специфических явлениях.

Среди устойчивых сравнений можно выделить также **сравнения, заимствованные из мифологии**. Эта группа сравнений берет свое начало в мифологии, которая является общеевропейским литературным и культурным наследием. Для таких сравнений характерна ограниченная степень понимания сравнительной основы (Vergleichsbasis). Проблемы восприятия здесь большей частью связаны с недостаточно высоким уровнем образования носителей языка. Такие сравнения как:

Zu Hause war sie wie eine Xanthippe;

Das Problem war noch schwieriger zu lösen, als den gordischen Knoten durchzuhauen; Die Versuche, diese Erscheinung wissenschaftlich zu begründen und theoretisch zu untermauern, wirkten wie ein Prokrustesbett, in das sich die Fakten nicht einpferchen ließen.

однозначно относятся к узусу образованных слоев населения и служат своего рода знаком, подчеркивающим их более высокое социальное положение и более высоким уровень образования.

Сравнения, построенные на мифологических образах, встречаются довольно редко. Приведем пример из художественной литературы: *Der Wagen hielt auf den Arc am Ende der Straße zu, wie auf das riesige Tor des Hades – ein kleines, grünes Insekt...* [Ремарк, 13] – *Машина устремилась в направлении Триумфальной арки,*

высившейся вдалеке подобно гигантским вратам Аида; «рено» напоминал маленькое зеленое насекомое... [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева].

2.2.2. Индивидуальные (авторские) сравнения

Сознание человека функционирует по принципу поиска сходства между тем, что уже известно и принадлежит мировому наследию, и тем, что должно быть раскрыто, изучено. Если отсутствуют какие-либо аналогии, начинается выявление противоположностей. Если же нет ничего сходного или противоположного, если даже невозможно дополнительное (добавочное) соотношение между сравниваемыми понятиями, то последние не относятся к одному логическому концепту. Но это не исключает возможности возникновения «смелых» образов, которые не всем носителям языка будут понятны в равной степени. В таком случае они должны быть проанализированы на основе контекста, с учетом времени и места действия, функционального стиля, жанра произведения, индивидуального творческого стиля автора [Богатырева, Ноздрина 2008: 133].

К группе индивидуальных сравнений мы относим сравнения, встречающиеся, в первую очередь, в произведениях художественной литературы. Здесь степень восприятия и понимания сравнительной основы не является релевантным признаком. На первый план выходит, прежде всего, то, какой смысл, замысел вкладывает автор в создаваемые им сравнения. Сравнительная основа может свободно выходить за рамки понимания реципиента, поскольку таким способом автор истолковывает свой индивидуальный взгляд на вещи. Речь идет об индивидуальном представлении, индивидуальной силе воображения, которые в процессе восприятия обуславливают возникновение в сознании читателя определенных образов. В отличие от традиционных и культурно-специфических сравнений авторское образное сравнение не является общеупотребительным и, как правило, не воспроизводится вторично. В немецком языке нередко используется термин *Einbildungen* [Богатырева, Ноздрина 2008: 135].

В качестве примеров рассмотрим сравнения, которые употребляет Эрих Мария Ремарк в произведении «Триумфальная арка». Фоном, на котором разворачивается действие в этом романе, как и в других его книгах («Три товарища», «Искра жизни», «Время жить и время умирать», «Возлюби ближнего своего»), служат XX век и катаклизмы той эпохи, с которыми пришлось столкнуться многим, – войны, экономические и политические кризисы, а также тоталитаризм и судьба индивидуума в тоталитарном государстве. Главными ценностями, которые писатель всегда отстаивал в своих произведениях, были человек и его личная свобода. Во многих романах Ремарка красной нитью проходят идеи смертельного одиночества человека и товарищества [Ремарк 2002: 5-22].

Недолгое пребывание на фронте и смерть матери оставили глубокий след в душе писателя. В единственном телевизионном интервью, которое Ремарк дал в 1963 году, он указал на это сам. На вопрос, почему во всех его произведениях, «даже в самых легких, даже в тех, где рассказывается о любви», смерть и война играют такую важную роль, Ремарк ответил: «В годы Первой мировой войны умерла моя мать, я же сам был очень юным, и на фронте мне пришлось увидеть столько страшного».

Например, в следующем отрывке, в котором автор описывает операцию девушки, хирург предстает в образе охотника, преследующего опасного хищника – смерть.

... wenn der Körper sich unter den Nadeln und Klammern wie ein vielfacher Vorhang auseinanderfaltete, (...) wenn man wie ein Jäger im Dschungel einer Fährte folgte und plötzlich in zerstörten Geweben, in Knollen, in Wucherungen, in Rissen ihm gegenüberstand, dem großen Raubtier Tod [Ремарк, 17]. – *... когда тело в иглах и зажимах раскрывается, подобно занавесу, (...) когда, подобно охотнику в джунглях, ты идешь по следу и вдруг – в разрушенных тканях, опухолях, узлах и разрывах лицом к лицу сталкиваешься с могучим хищником – смертью* [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева].

Используемые автором сравнения ярко отражают его собственное видение мира, его взгляды и мысли.

Das, was uns früher einmal zusammenhielt, ist heute zerstört. Wir sind heute auseinandergefallen wie eine Kette aus Glasperlen, deren Band zerrissen ist. Nichts ist mehr fest [ebenda, 75]. – То, что некогда связывало нас, теперь разрушено. Мы рассыпались, как стеклянные бусы с порвавшейся нитки. Ничто уже не прочно.

Der graue Aussatz des Lebens wurde wieder einmal barmherzig überdeckt von ein paar geschenkten Stunden, die wie Tauben emporflogen [ebenda, 101]. – Опять серую проказу жизни скрасят несколько часов, милосердно подаренных судьбой, – скрасят и улетят, как голуби.

Wenn man dann zurückkommt und das Licht ausmacht – und die Dunkelheit fällt über einen wie ein Wattebausch mit Chloroform – und man macht das Licht wieder an und starrt und starrt [ebenda, 70]. – Когда возвращаешься и гасишь свет... и темнота оглушает тебя, словно маска с хлороформом... Тогда снова включаешь свет и смотришь, смотришь в одну точку...

Und wie junge Eulen, geduckt auf der Schulter hockend, die Träume, mit Augen, die heller wurden in der Dämmerung. (...) Die großen, braunen Schmetterlingsflügel des Abends [ebenda, 70]. – И, – как юные совы, примостившиеся на плечах, – мечты с глазами, светлеющими в сумерках. (...) Вечер, как огромная бабочка, распластал широкие коричневые крылья...

Довольно необычные сравнения использует Инго Шульце:

Diese [die Wolken] hingen tief über den Dächern als natürliche Begrenzung unserer Welt nach oben [Шульце, 73]. – Они [облака] низко висели над крышами, ограничивая верхний предел нашего мира [Шульце – пер. Березиной].

Erst als die zerbeulten Abflußrohre ihre Eisblöcke wie abgelutschte Bonbons auf die Gehsteige spuckten, erhielten wir den eigenen Gang zurück [ebenda, 75]. – Только когда раскуроченные дождевые трубы выплевывали на тротуар куски льда, похожие на обсосанные леденцы, мы вновь обретали свою собственную походку.

Эти сравнения, основанные на чисто субъективных представлениях и ощущениях, являются примерами индивидуального полета фантазии, так называемыми смелыми образами.

Следующий отрывок представляет для нас особый интерес, поскольку он изобилует индивидуальными, спонтанными сравнениями. Здесь идет речь об игре, которую ведут действующие лица, чтобы не скучать во время дороги. Ее правила заключаются в том, что проигрывает тот, кто не подберет подходящее сравнение к предметам, встречающимся по пути.

Vom Schlafen keine Rede! Ich habe ja nicht gedacht, dass die Nacht in Griechenland so kalt sein würde, eine Nacht im Juni, geradezu nass. Und dazu keine Ahnung, wohin er uns führen wird, ein Saumpfad zwischen Felsen hinauf, steinig, staubig, daher im Mondlicht weiß wie Gips. Sabeth findet: Wie Schnee! Wir einigen uns: Wie Joghurt! Dazu die schwarzen Felsen über uns: Wie Kohle! finde ich, aber Sabeth findet wieder irgend etwas anderes, und so unterhalten wir uns auf dem Weg, der immer höher führt. Das Wiehern eines Esels in der Nacht: Wie der erste Versuch auf einem Cello! findet Sabeth, ich finde: Wie eine ungeschmierte Bremse! Sonst Totenstille; die Hunde sind endlich verstummt, seit sie unsere Schritte nicht mehr hören. Die weißen Hütten von Korinth: Wie wenn man eine Dose mit Würfelzucker ausgeleert hat! Ich finde etwas anderes, bloß um unser Spiel weiterzumachen. Eine letzte schwarze Zypresse: Wie ein Ausrufzeichen! findet Sabeth, ich bestreite es; Ausrufzeichen haben ihre Spitze nicht oben, sondern unten. Wir sind die ganze Zeit gewandert. Ohne einen Menschen zu finden. Einmal erschreckt uns Gebimmel einer Ziege, dann wieder Stille über schwarzen Hängen, die nach Pfefferminz duften, Stille mit Herzklopfen und Durst, nichts als Wind in trockenen Gräsern: Wie wenn man Seide reißt! findet Sabeth, ich muss mich besinnen, und oft fällt mir überhaupt nichts ein, dann ist das ein Punkt für Sabeth, laut Spielregel. Sabeth weiß fast immer etwas. Türme und Zinnen einer mittelalterlichen Bastion: Wie Kulissen in der Opera! Wir gehen durch Tore und Tore, nirgends ein Geräusch von Wasser, wir hören das Echo unserer Schritte an den türkischen Mauern, sonst Totenstille, sobald wir stehen. Unsere Mondschaten: Wie

Scherenschnitte! findet Sabeth. Wir spielen stets auf einundzwanzig Punkte, wie beim Pingpong, dann ein neues Spiel, bis wir plötzlich, noch mitten in der Nacht, oben auf dem Berg sind. Unser Komet ist nicht mehr zu sehen. In der Ferne das Meer: Wie Zinkblech finde ich.

Такое большое количество сравнений создает особую атмосферу, усиливает стилистический эффект текста, придает ему особую выразительность.

2.3. Классификация сравнений в зависимости от их структуры

В данном разделе мы выделяем группы сравнений в зависимости от их структуры. При этом мы опираемся на классификацию сравнений, предложенную Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс, но расширяем ее, дополняя двумя группами. Так, в зависимости от структуры мы выделяем помимо простых (нераспространенных), распространенных и развернутых сравнений, которые рассматривали Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс, также компаративные сложные прилагательные и придаточные ирреального сравнения.

2.3.1. Простые сравнения

Простые или нераспространенные сравнения (knappe Vergleiche) вводятся союзами *wie*, *als*, *als ob*. Причем сравнения, вводимые первыми двумя союзами, имеют преимущественно позитивный характер (*er ist so alt wie du*, *sie ist flinker als er*), тогда как сравнения, вводимые союзом *als ob*, несут в себе негативные или ирреальные образы (*Du tust so, als ob du ein kleines Kind wärest!* или *Eine plötzliche, unerklärliche Angst. So, als ob, wenn wir hier herauskamen, die Welt draußen auf einmal zusammengebrochen sein könnte* [Ремарк, 95]. – *Внезапный, необъяснимый страх. Кажется, выйдем отсюда и увидим весь мир в развалинах* [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева]).

В случае отсутствия союза, речь идет о «сужении» сравнения:

Weil wir Funken in einem unbekannten Wind sind [ebenda, 14] – *Потому что все мы словно искорки, гонимые неведомым ветром.*

Mode ist immer auch ein Spiegel der Gesellschaft [Deutschland 1/2010]. – *Мода – это всегда также зеркало общества.*

Здесь мы уже видим переход от сравнения к метафоре.

В качестве простейшей формы сравнения Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс рассматривают композиты, в которых сравнение заключено в определяющую часть сложного слова [Ризель, Шендельс 1975: 211]. Об этом мы говорили более подробно, рассматривая рационально-уточняющие сравнения.

2.3.2. Компаративные сложные прилагательные

Многие сравнения с общепринятой сравнительной основой (Vergleichsbasis) в немецком языке могут сливаться в одну звуковую форму и, образуя единство обозначенного и подразумеваемого, в одно слово, воспринимаемое как языковой знак. Таким способом возникли следующие слова: *strohdumm*, *mausetot*, *spindeldürr*, *baumlang*, *elefantendick*, *rabenschwarz*, *felsenfest*, *federleicht* и др.

На основе сравнений, поясняющих понятия, часто возникают такие прилагательные как: *breiartig*, *teigförmig*, *säureartig*, *löffelförmig* и многие другие, которые образуются при помощи полусуффиксов. Образование общепринятых сравнений происходит, как правило, по единой схеме [Богатырева, Ноздрина 2008: 134].

2.3.3. Распространенные сравнения

Распространенные сравнения (erweiterte Vergleiche) содержат различного рода определения, относящиеся к сравниваемому понятию. Например:

Er starrte aufmerksam hinaus, wie ein Jäger auf dem Anstand, er beobachtete jeden Menschen, der vorüberging [Ремарк, 83]. – *Сторожким взглядом, как охотник в засаде, он всматривался в каждого прохожего* [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева].

Kate Hegstrom fühlte die Melodie auf ihrer Haut wie Quellwasser im April [ebenda, 94]. – *Кэт ощущала мелодию всей кожей, ей казалось, будто апрельская*

ключевая вода пощипывает плечи. В этих двух примерах сравнение, выраженное существительным и вводимое союзом *wie*, распространено дополнением, выраженным существительным в дательном падеже.

Die winzigen Nasenflügel um die zwei winzigen Löcher mitten im Gesicht des Kindes blühten sich wie eine aufgehende Blüte. Oder eher wie die Näpfe jener kleiner fleischfressenden Pflanzen, die man im botanischen Garten des Königs hielt [Зюскинд, 25]. – Крошечные крылья носа вокруг двух крошечных дырок на лице ребенка раздувались, как распускающийся бутон. Или скорее как чашечки тех маленьких хищных растений, которые растут в королевском ботаническом саду [Зюскинд – пер. Венгеровой]. В этом примере сравнение распространено не только двумя определениями, выраженными прилагательными, но и придаточным определительным.

К этой группе можно также отнести так называемые удвоенные сравнения. В предыдущем отрывке мы видим два сравнения, соединенных союзом *oder*. Или, например: *Er schwankte beim Gehen, wie ein Kranker oder wie ein Betrunkener.*

В эту группу мы относим также сравнения, в которых одно понятие сопоставляется с тремя и более понятиями из различных предметно-смысловых сфер. К подобным сравнительным оборотам нередко обращается С. Цвейг в произведении «Мендель-букинист»:

Denn er las, wie andere beten, wie Spieler spielen und Trunkene betäubt ins Leere starren [Цвейг, 8]. – Ибо он читал так, как другие молятся, как играют азартные игроки, как пьяные безотчетно глядят в пространство [Цвейг – пер. Бернштейн]. С точки зрения синтаксической структуры предложения, эти сравнительные обороты представляют ничто иное как однородные придаточные образа действия.

Dies spezifisch antiquarische Gedächtnis Jakob Mendels war jedoch in seiner einmaligen Vollendung als Phänomen nicht geringer als jenes Napoleons für Physiognomien, Mezzofantis für Sprachen, eines Lasker für Schachanfänge, eines Busoni für Musik [ebenda, 15]. – В своем неповторимом совершенстве память

Якоба Менделя оказалась не менее феноменальной, чем память Наполеона на лица, Меццофанти – на языки, Ласкера – на шахматные дебюты, Бүзони – на музыкальные опусы. В данном отрывке автор использует четыре однородных сравнительных оборота.

Такие сравнения, в отличие от вышеназванных групп, встречаются в текстах значительно реже.

2.3.4. Придаточные ирреального сравнения

Сравнение может быть заключено в структуре придаточного предложения. Мы выделяем их в отдельную группу, поскольку считаем, что придаточные нереального сравнения, вводимые союзами *als*, *als ob* не относятся ни к простым, ни к распространенным сравнениям. Здесь, как правило, не называется сравниваемое понятие. Такие придаточные описательно характеризуют действие, уточняют его образ:

Sie stützte sich, als wäre sie im Fallen und müsste sich halten [Ремарк, 5]. – *Она опиралась так, будто каждую минуту боялась упасть* [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева].

Sie blickte vor sich hin, als wäre sie in Gedanken und außer ihr niemand da [ebenda, 95]. – *Словно в раздумье, она глядела прямо перед собой, будто была совсем одна в этом большом зале.*

О.А. Кострова рассматривает использование сложноподчиненных предложений с придаточными нереального сравнения в качестве конструктивно-стилистического приема [Кострова 2004: 193]. Экспрессивный эффект придаточных ирреального сравнения усиливается при их метафоризации:

Scharen eiliger Menschen drängten sich an den Eingängen der Untergrundbahnen – als wären es Erdlöcher, in die sie hineinstürzen, um sich einer finsternen Gottheit zu opfern [Ремарк, 23] – *Толпы торопливых парижан устремлялись к метро, точно к глубокой пропасти, куда бросаешься, чтобы принести себя в жертву некоему сумрачному божеству* [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева].

Er wusch sich mit ärgerlicher Verbissenheit, als wolle er sich die Haut herunterscheuern [ebenda, 15]. – Он мыл их [руки] с каким-то угрюмым остервенением, будто хотел содрать с них кожу.

Как правило, перевод таких придаточных не представляет особых трудностей. В дальнейшем ходе нашей работы мы не будем больше останавливаться на данном вопросе.

2.3.5. Развернутые сравнения

Развернутыми сравнениями (ausgebaute, geschlossene Vergleiche) в стилистике обозначают **притчи** или **параболы (Gleichnisse)**. Под притчей понимают образную риторическую фигуру, функция которой заключается в наглядной передаче содержания путем использования многочисленных сравнений. Притча представляет собой дидактико-аллегорический жанр литературы. Форма притчи возникает лишь в некотором контексте, в связи с чем, она допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего, однако, особую символическую наполненность. С содержательной стороны притча отличается тяготением к глубинной «премудрости» религиозного или моралистического порядка. Речь идет о развернутых образах, где значительно расширяется область основного понятия или понятия, с которым оно сравнивается. Различают два уровня текста: уровень выражаемого в тексте и уровень подразумеваемого. Они соприкасаются друг с другом в так называемой точке сравнения (*das Dritte des Vergleichs, der Vergleichspunkt*). Это хорошо показывает следующий отрывок из произведения Брехта «Fünf Schwierigkeiten beim Beschreiben der Wahrheit», который приводят Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс в качестве примера развернутого сравнения:

Die gegen den Faschismus sind, ohne gegen den Kapitalismus zu sein, die über die Barbarei jammern, die von der Barbarei kommt, gleichen Leuten, die ihren Anteil vom Kalb essen, aber das Blut nicht sehen. Sie sind zufriedenzustellen, wenn der Metzger die Hände wäscht, bevor er das Fleisch aufträgt. Sie sind nicht gegen die

Besitzverhältnisse, welche die Barbarei erzeugen, nur gegen die Barbarei [Ризель, Шендельс 1975: 211].

Эпический жанр, в основе которого лежит принцип притчи, характеризуется предельной заостренностью главной мысли, выразительностью и экспрессивностью языка. К жанру притчи обращались Ф. Кафка, Б. Брехт, А. Камю и другие писатели.

Своего рода развернутое сравнение мы встречаем в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер». На протяжении целого отрывка автор описывает то, как маленький Гренуй вместо того, чтобы «скромно уйти в небытие, проголосовал за жизнь из чистого упрямства и из чистой злобности». При этом он сравнивает его с зерном и клещом, показывая, что этот выбор отнюдь не осознанный, а скорее инстинктивный.

Aber er entschied sich doch vegetativ, so wie eine weggeworfene Bohne entscheidet, ob sie nun keimen soll oder ob sie es besser bleiben lässt. Oder wie jener Zeck auf dem Baum, dem doch das Leben nichts anderes zu bieten hat als ein immerwährendes überwintern. Der kleine häßliche Zeck, der seinen bleigrauen Körper zur Kugel formt, um der Außenwelt die geringstmögliche Fläche zu bieten; der seine Haut glatt und derb macht, um nichts zu verströmen, kein bisschen von sich hinauszutranspirieren. Der Zeck, der sich extra klein und unansehnlich macht, damit niemand ihn sehe und zertrete. Der einsame Zeck, der in sich versammelt auf seinem Baume hockt, blind, taub und stumm, und nur wittert, jahrelang wittert, meilenweit, das Blut vorüberwandernder Tiere, die er aus eigener Kraft niemals erreichen wird. Der Zeck könnte sich fallen lassen. Er könnte sich auf den Boden des Waldes fallen lassen, mit seinen sechs winzigen Beinchen ein paar Millimeter dahin und dorthin kriechen und sich unters Laub zum Sterben legen, es wäre nicht schade um ihn, weiß Gott nicht. Aber der Zeck, bockig, stur und eklig, bleibt hocken und lebt und wartet. Wartet, bis ihm der höchst unwahrscheinliche Zufall das Blut in Gestalt eines Tieres direkt unter den Baum treibt. Und dann erst gibt er seine Zurückhaltung

auf, lässt sich fallen und krallt und bohrt und beisst sich in das fremde Fleisch... So ein Zeck war das Kind Grenouille [Зюскинд, 33-34].

Но все же он сделал выбор вегетативно, как делает выбор зерно: нужно ли ему пускать ростки или лучше оставаться непроросшим. Или как клещ на дереве, коему жизнь тоже не предлагает ничего иного, кроме перманентной зимовки. Маленький уродливый клещ скручивает свое свинцово-серое тело в шарик, дабы обратить к внешнему миру минимальную поверхность; он делает свою кожу гладкой и плотной, чтобы не испускать наружу ничего – ни малейшего излучения, ни легчайшего испарения. Клещ специально делает себя маленьким и неприметным, чтобы никто не заметил и не растоптал его. Одиноким клещ, сосредоточившись в себе, сидит на своем дереве, слепой, глухой и немой, и только вынюхивает, годами вынюхивает на расстоянии нескольких миль кровь проходящих мимо живых, которых он никогда не догонит. Клещ мог бы позволить себе упасть. Он мог бы позволить себе упасть на землю леса, проползти на своих крошечных ножках несколько миллиметров туда и сюда и зарыться в сухую листву – умирать, и никто бы о нем не пожалел, Богу известно, что никто. Но клещ, упрямый, упорный и мерзкий, притаился, и живет, и ждет. Ждет, пока в высшей степени невероятный случай подгонит прямо к нему под дерево кровь в виде какого-нибудь животного. И только тогда он отрешается от своей скрытности, срывается, и вцепляется, и ввинчивается, впивается в чужую плоть. Таким клещом был маленький Гренуй [Зюскинд – пер. Венгеровой].

Читая этот абзац, мы живо представляем себе образ зерна, чьи ростки пробиваются сквозь почву, и еще отчетливее образ клеща, сидящего на дереве, выжидая свою жертву. И, следовательно, эти образы помогают нам глубже понять натуру мальчика.

Выводы по главе II

Во второй главе нашей работы были подробно изложены три классификации сравнений:

- по своему прагматическому воздействию они делятся на:

- 1) рационально-уточняющие, возникающие на основе прямого значения;

- 2) сравнения, созданные на основе метафорического, переносного значения;

- по частотности употребления в языке мы выделяем:

- 1) устойчивые сравнения (включая культурно-специфические сравнения);

- 2) индивидуальные (авторские) сравнения;

- в зависимости от структуры мы различаем:

- 1) простые сравнения;

- 2) компаративные сложные прилагательные;

- 3) распространенные сравнения;

- 4) придаточные ирреального сравнения;

- 5) развернутые сравнения.

ГЛАВА 3. ПЕРЕВОД ЯЗЫКОВЫХ И РЕЧЕВЫХ СРАВНЕНИЙ

В данной главе мы рассмотрим возможные способы перевода следующих групп сравнений: устойчивых сравнений или компаративных фразеологизмов (в особенности ФЕ с культурным компонентом) и компаративных сложных прилагательных. На наш взгляд, вопросы передачи сравнений этих групп представляют особый интерес в области переводоведения, поскольку являются малоизученными или рассматриваются только в рамках перевода фразеологических единиц в целом.

Остановимся на некоторых теоретических вопросах переводоведения. Как известно, важнейшей целью переводчика является выполнение адекватного перевода. «*Адекватный перевод* – это перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса ПЯ» [Комиссаров 1990: 246]. Согласно классификации З.Е. Рогановой, адекватный перевод предполагает следующие переводческие приемы:

- 1) *идентифицирующе-адекватный перевод* (дословный перевод, подстановка / субституция);
- 2) *трансформационно-адекватный перевод* (грамматические и семантико-содержательные трансформации);
- 3) *функционально-адекватный перевод* (стилистические трансформации с целью достижения адекватности коммуникативной установки автора, эмоционально-оценочной и образно-эстетической функций, поведенческой реакции читателя и т.п.) [Дзенс, Перевышина, Кошкаров 2005: 68].

3.1. Способы перевода устойчивых сравнений (компаративных фразеологизмов)

В данном разделе мы, на основе сопоставительного анализа компаративных фразеологических единиц немецкого и русского языков, попытаемся вывести возможные способы их воспроизведения в переводе. Комиссаров В.Н. считает

сопоставительный анализ перевода, т.е. «анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала», важным методом исследования в лингвистике перевода. Данный метод позволяет «раскрыть внутренний механизм перевода, выявить эквивалентные единицы, а также обнаружить изменения формы и содержания, происходящие при замене единицы оригинала эквивалентной ей единицей текста перевода» [Комиссаров 1990: 37]. Виды межъязыковой соотнесенности ФЕ достаточно подробно рассматривает А.Д. Райхштейн. «Наряду с отношениями *полного тождества* и *полного различия* существуют, естественно, и промежуточные ступени, которые могут быть обобщены как отношения *неполного (частичного) тождества*, с дополнительной дифференциацией в случае необходимости».

Аспектная соотнесенность устойчивых единиц, т.е. соотнесенность их компонентного состава и грамматической организации, имеет для немецкого и русского языков только косвенный, структурно-семантический характер, так как для отдаленно родственных языков непосредственное тождество лексических компонентов и грамматических структур нетипично. В основном, речь идет о семантическом тождестве или различии компонентов или структур ФЕ в их нефразеологическом, регулярном значении, т.е. о большей или меньшей *фразеобразовательной аналогии* [Райхштейн 1980: 24].

Решая вопрос о переводоведческой классификации ФЕ, С. Влахов и С. Флорин за основу принимают следующую установку: как правило, *фразеологизм переводят фразеологизмом* [Влахов, Флорин 1980: 183]. Мы поддерживаем эту точку зрения и также считаем, что к такому переводу, как к идеалу, нужно стремиться в первую очередь и искать иные пути, лишь убедившись в нецелесообразности фразеологического перевода в данном контексте или в случае, если передача фразеологической единицей в ПЯ невозможна.

Среди ФЕ, возникших на национальной почве, С. Влахов и С. Флорин различают две группы: в первой фразеологизмы построены на одном и том же

образе, во второй – на разных, причем нередко случаи полного несоответствия метафоричности [Влахов, Флорин 1980: 189].

Возможности достижения полноценного перевода ФЕ зависят в основном от соотношений между единицами ИЯ и ПЯ:

1) ФЕ имеет в ПЯ точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение + коннотации), т.е. фразеологизм ИЯ = фразеологизму ПЯ переводится *эквивалентом*;

2) ФЕ можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, т.е. фразеологизм ИЯ \cong фразеологизму ПЯ переводится *вариантом (аналогим)*;

3) ФЕ не имеет в ПЯ ни эквивалентов, ни аналогов, непереводаема в словарном порядке, т.е. фразеологизм ИЯ \neq фразеологизму ПЯ передается иными, *нефразеологическими средствами*. В этом случае необходимо применить один из известных в переводоведении способов передачи.

Таким образом, можно сказать, что ФЕ переводят либо фразеологизмом (первые два пункта) – *фразеологический перевод*, либо иными средствами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) – *нефразеологический перевод* [Влахов, Флорин 1980: 183].

Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ – от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

Анализом соотношения единиц ИЯ и ПЯ занимался также и Л.К. Латышев. «Разные языки не только по-разному распределяют между языковыми единицами «кусочки» реальной действительности (денотативного содержания), но и по-своему составляют комбинации денотативного значения с различного рода дополнительной информацией (сигнификативными коннотациями)» [Латышев 1981: 131]. Под «сигнификативной коннотацией» он понимал «целый ряд разнородных элементов значения слова, для которых общим является то, что все

они представляют собой результат определенного способа отражения действительности, закреплённый в системном (словарном) значении слова» [Латышев 1981: 136]. Так, Л.К. Латышев выделяет четыре типа соотношения единиц исходного языка и языка перевода: 1) денотативные значения совпадают, коннотации также совпадают; 2) денотативные значения совпадают, коннотации не совпадают; 3) денотативные значения не совпадают, коннотации совпадают; 4) денотативные значения не совпадают, коннотации также не совпадают [Латышев 1981: 131-132].

Характерные особенности передачи сигнификативных коннотаций, выбор переводческих приемов определяется наличием или отсутствием в переводящем языке лексических единиц с эквивалентными коннотациями, совпадением или несовпадением денотативных значений этих единиц (т.е. принадлежностью к одному из вышеописанных типов соотношений единиц ИЯ и ПЯ).

Итак, рассмотрим возможные способы перевода немецких устойчивых компаративных фразеологизмов.

1. *Перевод эквивалентом*

Как правило, фразеологический эквивалент должен обладать теми же денотативным и коннотативным значениями, т.е. между соотносительными ФЕ не должно быть различий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесенности, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски. Они должны иметь приблизительно одинаковый компонентный состав, обладать рядом одинаковых лексико-грамматических показателей. Это сравнительно немногочисленные единицы. Речь идет по существу о ***полной и абсолютной эквивалентности*** [Влахов, Флорин 1980: 184].

Сигнификативно-ассоциативные коннотации обусловлены в значительной степени культурно-исторической традицией. Продолжительные контакты европейских народов способствовали сближению этих традиций, что находит свое отражение в наличии многочисленных межнациональных коннотаций

сигнификативно-ассоциативного плана. Немало коннотаций этого типа являются общими и для русского и немецкого языков [Латышев 1981: 136]. Например,

1) *er ist fest [stark] wie eine Eiche* – он прочный (крепкий) как дуб. Образ дуба в обоих языках – образ силы и могущества.

Подобные ФЕ немецкого и русского языка характеризуются структурно-грамматической идентичностью, тождественным семантическим содержанием. В их основу положен один и тот же образ. Рассмотрим другие примеры перевода *полным эквивалентом*:

2) *er hat Backen wie ein Hamster* – у него щеки как у хомяка [Мальцева, 55];

3) *er ist stumm wie ein Fisch* – он нем как рыба [Москальская, 477];

4) *sich fühlen wie ein Fisch im Wasser* – чувствовать себя как рыба в воде [Бинович, 199];

5) *schwatzen wie eine Elster* – трещать как сорока [Бинович, 169];

6) *blind wie ein Maulwurf* – слепой как крот [Юдина, 240];

7) *listig wie eine Schlange* – коварный как змея [Москальская, 305];

8) *seid klug wie die Schlangen (...), und sanft wie die Tauben* [Дюрренматт, 13]. – будьте мудрыми, как змеи (...), и нежными, как голуби [Дюрренматт – пер. Иллеш, Кацевой];

9) *Da haben Sie mich und Gastmann aufeinander gehetzt wie Tiere!* [ebenda, 67] – Вы направили меня и Гастмана друг на друга как зверей!

10) *sich wie ein roter Faden ziehen* – проходить красной нитью [Бинович, 179];

11) *wie Feuer und Wasser* – вода и пламень (о резких противоположностях) [Бинович, 193];

12) *wie besessen* – как одержимый или как сумасшедший [Юдина, 236];

13) *Sie starren mich ja an wie ein Gespenst* [Ремарк, 23]. – Почему вы установились на меня как на привидение? [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева];

14) *Es war ein Bild so alt wie die Welt* [Зюскинд, 24]. – Картина была старой как мир [Зюскинд – пер. Венгеровой];

15) *mein Herz schlug wie verrückt* [Белль, 3]. – *сердце колотится как сумасшедшее* [Белль – пер. Горкина];

16) *ich zitterte wie im Frost* [Цвейг, 27] – *я дрожала как в ознобе* [Цвейг – пер. Горфинкеля].

Относительный фразеологический эквивалент уступает абсолютному лишь в том, что отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие, часто синонимические компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения, иные морфологическая отнесенность, сочетаемость и т.п. В остальном он является полноценным соответствием переводимой ФЕ, «относительность» которого становится менее заметной в контексте. Частым отличием можно считать неодинаковое лексико-семантическое содержание отдельных компонентов. Рассмотрим примеры перевода *относительным фразеологическим эквивалентом*:

1) *wie eine Klette an j-m hängen* – *пристать к кому-либо как репей* [Бинович, 352]. ФЕ отличаются в оттенках значений глаголов: в немецком глаголе *hängen an j-m* (быть привязанным к кому-л., любить кого-л.), в отличие от русского *приставать*, отсутствует сема надоедливого, назойливого обращения к кому-л.;

2) *weg wie der Wind* – *как ветром сдуло* [Юдина, 431]: передача наречия *weg* (*прочь*) глаголом *сдуть* (изменение лексико-грамматического содержания);

3) *er ist wie ausgewechselt* – *его словно подменили* [Юдина, 228]: различная морфологическая отнесенность (перевод причастия глаголом);

4) *er ist wie ein Wirbelwind verschwunden* – *вихрем умчался* [Юдина, 436]: различие в значении глаголов (нем. *verschwinden* (*исчезнуть*) и русск. *умчаться*), являющихся в данном примере контекстуальными синонимами;

5) *wie hergezaubert* – *как по волшебству* [Юдина, 437]: различная морфологическая отнесенность (перевод причастия существительным с предлогом);

- 6) *ich fühle mich wie neu geboren* – я как заново родился [Юдина, 437]: различная морфологическая отнесенность, при переводе транспонирование партиципиального прилагательного в глагол;
- 7) *dabei arbeiten die doch wie wild* [Дюрренматт, 6] – они ведь работают как одержимые [Дюрренматт – пер. Иллеш, Кацевой]: перевод нем. *wild* (дикий, буйный) близким по смыслу *одержимый*;
- 8) *alle waren wie erstarrt* – все словно окаменели [ebenda, 35]: транспонирование партиципиального прилагательного в глагол, а также незначительное различие в оттенках значений: нем. *erstarren* (оцепенеть, застыть, затвердеть) и русск. *окаменеть*;
- 9) *Tschanz antwortete wie träumend* [ebenda, 64] – Чанц ответил как во сне: различная морфологическая отнесенность, при переводе транспонирование нем. наречия в русск. существительное с предлогом;
- 10) *die Straße ist wie ausgestorben* – улица будто вымерла [Москальская, 168]: различная морфологическая отнесенность (перевод партиципиального прилагательного глаголом);
- 11) *ich war wie in Feuer getaucht* [Цвейг, 7] – меня точно огнем опалило [Цвейг – пер. Горфинкеля]: различие в значениях немецкого причастия (от *tauchen* – погружать, окунуть) и русского глагола *опалить*;
- 12) *Der vorne fuhr wie der Teufel* [Дюрренматт, 56]. – Сидящий за рулем несся как черт [Дюрренматт – пер. Иллеш, Кацевой]: различие в значении глаголов, а также в их стилистической отнесенности: передача нем. литературного *fahren* (ехать) русск. разговорным вариантом *нестись*;
- 13) *hier war mein ganzes Leben, und jetzt, fiel es nieder auf mich wie ein Sturm* [Цвейг, 18] – здесь приютилась вся моя жизнь, и теперь она бурей обрушилась на меня [Цвейг – пер. Горфинкеля]: различие в оттенках значений глаголов: нем. *niederfallen* (падать, броситься вниз) и русск. *обрушиться*.

2. Перевод аналогом

Вслед за некоторыми авторами (Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И. и др.) мы будем называть аналогами относительные эквиваленты с заменой образа. Образы могут быть очень близкими, соприкасающимися, например:

- 1) *wie ein Blitz aus heiterem Himmel* – как гром среди ясного неба или
- 2) *wie vom Blitz getroffen* – как громом пораженный [Бинович, 106];
- 3) *er redet wie gedruckt* – говорит как по-писаному [Юдина, 436].

Но образы двух аналогов (на ИЯ и ПЯ) могут не иметь между собой ничего общего как образы, что не мешает фразеологическим единицам исполнять исправно свою функцию в переводе:

- 4) *wie aus dem Ei gepellt* – одет с иголочки [Юдина, 435].

«Возможность передавать ФЕ аналогами с образностью, совершенно не имеющей точек соприкосновения в ИЯ и ПЯ, объясняется, главным образом, тем, что по большей части это стертые или полустертые метафоры, не воспринимаемые или, скорее, воспринимаемые подсознательно носителем языка» [Влахов, Флорин 1980: 187].

Случаи, в которых используется прием аналоговой замены, Л.К. Латышев определяет как *несовпадение денотативных значений и совпадение сигнификативных коннотаций* (третий тип соотношения единиц ИЯ и ПЯ) [Латышев 1981: 132].

При несовпадении коннотаций «обмен» этих единиц может осуществляться только по коннотативному значению, денотативное значение не воспроизводится, а поскольку в отличие от других компонентов значения денотативный компонент всегда присутствует в семантике языкового знака, он заменяется тем денотативным компонентом, который «находится в комбинации» с искомой коннотацией. Этот прием Л.К. Латышев называет *адекватной заменой* [Латышев 1981: 134]. Например,

- 5) *gesund wie ein Bär* – здоров как бык [Бинович, 73].

Л.К. Латышев отмечает, что адекватная замена возможна лишь в тех случаях, когда денотативный компонент значения исходной единицы занимает достаточно низкий функционально-коммуникативный ранг, чтобы им можно было пренебречь.

Приведем другие примеры перевода *аналогом*:

6) *Er wurde weiß wie die Wand* – Он стал бледен как полотно [Юдина, 432]. В данном примере структурная организация немецкого и русского сравнений идентична, но образ *die Wand* (стена) заменяется узуальным для русского языка образом *полотно*.

7) *Ruth steht wie angewurzelt mitten auf der stillen Straße.* – Рут стоит как вкопанная посредине тихой улицы [Kulturchronik, 3/2000]. Несмотря на тождество структурно-синтаксического аспекта, ФЕ отличаются образами, содержащимися в семантике причастий: *angewurzelt* – *пустивший корни, укоренившийся*; *вкопанный* – от гл. *копать*.

8) *Er stand wie gebannt* – он как будто прирос к земле [Москальская, 201]. ФЕ характеризуются полным различием в грамматической организации и лексическом аспекте, а также заменой образа (*bannen* – *приковывать, пленять и прирастать к земле*).

9) *Etwas kommt wie gepfiffen* – что-либо появилось как по заказу [Юдина, 291]: перевод причастия *gepfiffen* (от *pfeifen* – *свистеть*) существительным с предлогом, т.е. различие грамматической организации, сопровождающееся заменой образа.

10) *Ich bin wie gerädert* – я как выжатый лимон/из меня как будто все соки выжали/я чувствую себя так, как будто на мне кирпичи возили/как будто по мне катком проишли [Юдина, 293]. В основу компаративных фразеологизмов ИЯ и ПЯ положены разные образы, и, соответственно, их лексические компоненты различны, равно как и их грамматическая организация.

11) *Klar wie dicke Tinte/wie dicke Suppe* – ясно как Божий день [Юдина, 333]: тождество грамматической организации, различие лексических компонентов (замена образа).

12) *Überflüssig wie Kropf* (букв. лишний как зоб) – нужен как рыбе зонтик [Юдина, 412]: различие грамматической структуры и лексических компонентов. Кроме того, использован антонимический перевод: нем. *überflüssig* (лишний, ненужный) и русск. *нужен*.

13) *Das Fleisch ist zäh wie Leder* – мясо жесткое как подошва [Юдина, 441]: замена образа (нем. *das Leder* – кожа и русск. *подошва*).

14) *hielten sich an ihre Titel und Manieren wie an Schwimmgürteln* [Ремарк, 54] – цепляются за свои титулы и манеры, как за спасательный круг [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева]: замена образа (нем. *der Schwimmgürtel* – спасательный пояс и русск. *спасательный круг*).

15) *Daliegen wie ein geprellter Frosch* – лежать пластом [Бинович, 209]: замена образа (нем. *ein geprellter Frosch* – ударенная лягушка и русск. *пласт*).

3. Перевод нефразеологическими средствами

Нефразеологический перевод передает данную ФЕ при помощи лексических, а не фразеологических средств ПЯ. К нему прибегают обычно, лишь убедившись, что ни одним из фразеологических эквивалентов или аналогов воспользоваться нельзя. Такой перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, афористичность, оттенки значений), что и заставляет переводчиков обращаться к нему только в случае крайней необходимости [Влахов, Флорин 1980: 193].

Лексический перевод применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом – словом. Например:

- 1) *Lutz war wie aus den Wolken gefallen* [Дюрренматт, 26]– *Лутц был огорошен* [Дюрренматт – пер. Иллеш, Кацевой];
- 2) *Tschanz, wie starr, war noch nicht mit seinem Kartoffelsalat fertig* [ebenda, 64] – *Чанц, остолбенев, все еще не управился со своим картофельным салатом*;
- 3) *wie eine Lähmung war die Erwartung in mir* [Цвейг, 16] – *я вся оцененела от ожидания* [Цвейг – пер. Горфинкеля].

Калькирование, дословный перевод, предпочитают обычно в тех случаях, когда другими приемами, в частности фразеологическими, нельзя передать ФЕ в целости ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по тем или иным причинам желательно донести до читателя образную основу. Калькирование метафорических единиц, с одной стороны, позволяет читателю перевода увидеть содержащийся в ФЕ образ. С другой стороны, почти стертая метафора при калькировании «оживает», создавая иное, чем подлинник, впечатление [Влахов, Флорин 1980: 194].

Описательный перевод ФЕ сводится, по сути дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования, как это часто бывает с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ [Влахов, Флорин 1980: 196]. Например:

- 1) *darüber hersein wie der Fuchs über den Hühnern* – *жадно охотиться за чем-либо* [Бинович, 211]. В результате такого перевода передается смысловое содержание ФЕ, но утрачивается образность.

Нередко язык перевода не располагает лексическими единицами с коннотациями, аналогичными коннотациям исходных единиц. В этих случаях вообще приходится отказываться от воспроизведения коннотаций единиц исходного языка через коннотации единиц языка перевода, в частности, отказываться от воспроизведения переносного значения через переносное значение, т.е. воспользоваться *прямой передачей переносного значения* [Латышев 1981:131-135]. Например:

- 2) *wie ein Veilchen im Verborgenen blühen* – *жить уединенно, незаметно*. Так, в переводе образность утрачена полностью.

Когда речь идет о передаче коннотаций, сохранении или же утрате образности при переводе, подразумевается, как правило, использование стилистических трансформаций. Под *стилистическими трансформациями* понимают «мотивированное изменение образной структуры исходного текста либо его лексического наполнения с целью достижения коммуникативно-функциональной и художественно-эстетической адекватности исходного и переводного текстов или утрату эмоционально-оценочных либо образно-стилистических характеристик языковых единиц исходного текста при выборе переводческих соответствий».

Авторы книги «Теория и практика перевода» Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина, В.А. Кошкарров среди основных приемов стилистических трансформаций рассматривают *«выпрямление значения»* или *утрату сигнификативных коннотаций*: передачу переносного значения прямым, стилистически окрашенного слова нейтральным, образного слова или оборота прямой номинацией (*деметафоризация*) [Дзенс, Перевышина, Кошкарров 2005: 69-70].

Рассматривая группу устойчивых сравнений в предыдущей главе (см. классификация сравнений по частотности их употребления в языке), особое внимание мы акцентировали на культурно-специфических фразеологических единицах. В области компаративной фразеологии, действительно, очень отчетливо находит отражение национальное своеобразие жизни того или иного народа.

«Национальный колорит ФЕ может быть обусловлен: 1) специфической окраской отдельного компонента (реалия, имя собственное) или же 2) характером самой единицы, связанной тем или иным путем с национальными особенностями соответствующего народа. Реалия (и имя собственное), как любой компонент ФЕ, утрачивает тем большую часть своего значения, чем теснее связь между компонентами, т.е. чем выше степень слитности всего сочетания. Однако утрачивая даже полностью семантику, реалии сохраняют почти всегда если не весь колорит, то какой-то отблеск его. И отсюда основная трудность перевода

таких единиц: их нельзя передавать эквивалентами, так как эквивалентность предполагает идентичность всех показателей, в том числе и национальной окраски, а это практически невозможно» [Влахов, Флорин 1980: 203-204].

В семантике многих фразеологических единиц представлены факты истории страны, географии, образа жизни. Фразеология, как и лексический состав языка, является поистине средоточием фоновых знаний. Причем образы, лежащие в основе культурно-специфических сравнений, далеко не всегда совпадают в двух языках, что вызывает определенные сложности при их переводе. В следующих разделах мы рассмотрим возможные способы перевода компаративных ФЕ, в основу которых положены образы из различных областей: растительного и животного мира, истории страны.

3.1.1. Компаративные фразеологизмы, в основе которых лежат образы растительного мира

Географический фактор играет в истории человечества значительную роль. «Окружающая природа: растения, животные, птицы, ландшафт – все это выливается в понятия и представления, специфичные для того или иного народа, и которых может не быть у других народов» [Мальцева 1991: 30]. Начнем с компаративных фразеологизмов, в основе которых лежат образы растений.

Далее рассмотрим несколько культурно-специфических сравнений в немецком языке и определим способы их перевода на русский язык. Для некоторых примеров мы приводим также лингвострановедческий комментарий. Лингвострановедческий анализ фразеологических единиц с национально-культурной семантикой помогает уточнить значение, а, следовательно, и перевод ряда фразеологизмов современного немецкого языка.

Растительный мир в компаративных фразеологических единицах

Сравнение немецкого языка	Русское соответствие	Комментарий
1) <i>dürr [lang] wie eine Bohnenstange</i> (подпорка для фасоли)	<i>тощий [длинный] как жердь</i> (тонкий и длинный шест)	Значение полевой фасоли в средние века было велико, что находит отражение в данных сравнениях. Основания для сравнений: стебель фасоли вьется вокруг высокой подпорки; сухие побеги фасоли дают очень жесткую и прочную солому. В первом случае – перевод относительным эквивалентом (несмотря на схожесть, «жердь» – генерализирующее понятие по отношению к понятию «подпорка для фасоли»). Во втором и третьем случаях осуществлен перевод аналогом (замена образа). В четвертом случае – нефразеологический перевод; происходит «выпрямление» стилистического значения, поскольку в ПЯ полностью утрачена образность.
2) <i>grob wie Bohnenstroh</i> (бобовая солома)	(фам.) <i>грубый как извозчик</i>	
3) <i>dumm wie Bohnenstroh</i>	(фам.) <i>глуп как пробка</i>	
4) <i>hart [zäh] wie Bohnenstroh</i>	<i>очень прочный</i>	
5) <i>dürr [lang] wie eine Hopfenstange</i> (жердь для хмеля)	<i>тощий [длинный] как жердь</i>	Выращивание хмеля было распространено на севере Германии, где садоводство из-за климата не могло успешно развиваться. Перевод относительным эквивалентом (в переводе употреблено генерализирующее понятие).
6) <i>etw. fallenlassen wie eine heiße Kartoffel</i> (досл. бросить как горячий картофель)	<i>отказаться без колебаний от чего-л.</i>	Нефразеологический перевод; перевод описанием + «выпрямление» стилистического значения.
7) <i>arbeiten wie ein Kümmeltürke</i> (студ. пренебр. провинциал, филистер)	(фам. пренебр.) <i>вкатывать как негр</i>	Район Галле и бассейн реки Заале славились тем, что там в больших количествах выращивался тмин, поэтому этот район в шутку называли <i>Kümmeltürkei</i> , а студентов

8) <i>rennen wie ein Kümmeltürke</i>	<i>нестись как угорелый</i>	из этой местности – Kümmeltürken (намек на то, что тмин в давние времена привозился в Европу с Востока). Впоследствии эта связь была забыта, и слово стало употребляться в негативном смысле. Перевод аналогом (замена образа).
9) <i>wie ein Veilchen im Verborgenen blühen</i> (букв. цвести как фиалка в укромном месте)	<i>жить уединенно, незаметно, не получая должного внимания</i>	Основанием для сравнения послужило то, что фиалка трехцветная растет как сорняк на запущенных полях, пустырях и т.д. Нефразеологический перевод; сравниваемый образ полностью утрачен; прием демегафоризации.
10) <i>ein Gemüt wie ein Veilchen haben</i>	<i>быть бесчувственным, бессердечным</i>	
11) <i>dastehen wie eine geknickte Lilie</i> (букв. стоять как склонившаяся лилия)	<i>иметь очень грустный вид; стоять, опустив голову</i>	У древних римлян лилия считалась символом надежды и была посвящена богине Юноне. Нефразеологический перевод; сравниваемый образ утрачен; прием демегафоризации.
12) <i>wie auf Rosen gebettet</i>	<i>жить беззаботно, в роскоши</i>	В древности роза считалась символом счастья и радости, символом весны и красоты. Сравнимый образ утрачен; прием демегафоризации.
13) <i>sie sieht aus wie eine Pfingstrose</i> (пион)	<i>она как маков цвет</i>	Перевод аналогом (замена образа).
14) <i>schlank wie eine Tanne</i>	<i>стройна как березка</i>	Замена символического образа ИЯ узуальным аналогом ПЯ.
15) <i>das ist billig wie Brombeeren</i> (букв. дешево как ежевика)	<i>дешевле пареной репы</i>	Перевод аналогом (замена образа).
16) <i>häufig wie Brombeeren</i>	<i>на каждом шагу</i>	Перевод аналогом.

3.1.2. Компаративные фразеологизмы, в основе которых лежат образы животного мира

Образы, порожденные в результате сравнения человека с животными, отличаются особой яркостью и колоритностью. Символика животных зависит от особых присущих им качеств и свойств, от той роли, которую они играют в жизни человека. Названия одних и тех же животных в разных языках, употребленные по отношению к человеку, подразумевают нередко совершенно различные качества.

Таблица 3.2.

Животный мир в компаративных фразеологических единицах

Сравнение немецкого языка	Русское соответствие	Комментарий
1) <i>aussehen, wie die Gans, wenn es donnert</i>	<i>смотреть как баран на новые ворота; иметь глупый вид</i>	В немецком языке образ гуся ассоциируется с глупостью. У русских же он вызывает представление о важности или жуликоватости кого-либо. Говорят: <i>Важный гусь! Как с гуся вода!</i> В первом случае – аналоговый перевод, во втором – демегафоризация, перевод компаративной ФЕ прямой номинацией.
2) <i>schlafen wie ein Dachs</i>	<i>спать как сурок</i>	Барсук был распространен по всей Европе, что нашло отражение и в языке. Следует отметить, что традиционный перевод на русский язык « <i>спать как сурок</i> » также является не совсем точным, так как зимняя спячка у барсука не такая продолжительная и глубокая, как у сурка. Перевод аналогом (замена образа).
3) <i>immer zu Hause sein wie ein Dähschen/ er hockt daheim wie ein Dachs im Loche</i>	<i>сидеть сиднем дома (сидень – человек, который ведет малоподвижную, сидячую жизнь)</i>	Барсук редко покидает свою нору. И эта его черта была подмечена и закреплена во фразеологизме. Перевод аналогом.
4) <i>essen wie ein Dachs</i>	<i>много и жадно есть</i>	Нефразеологический, описательный перевод,

(букв. есть как барсук)		«выпрямление» стилистического значения.
5) <i>Augen haben wie ein Luchs</i> (рысь)	<i>иметь острое зрение</i>	Рысь – характерный обитатель больших глухих лесов, таких, как, например, Шварцвальд. Нефразеологический перевод; сравниваемый образ потерян; деметафоризация.
6) <i>Ohren haben wie ein Luchs</i>	<i>иметь острый слух</i>	
7) <i>flink wie ein Wiesel</i> (ласка)	<i>ловкий [шустрый] как белка; проворный/ ловкий</i>	Для ласки характерна необыкновенная подвижность, живость. В первом варианте использован способ перевода аналогом (замена образа). Во втором мы видим опущение сравнения, т.е. «выпрямление» стилистического значения.
8) <i>gesund wie ein Bär</i>	<i>здоров как бык</i>	« <i>Bär</i> » в немецком языке совпадает с «медведем» в русском языке в переносном значении по неуклюжести, неловкости, по силе, но в русском слове нет обязательных ассоциаций с особым здоровьем и с сильным голодом. Перевод аналогом.
9) <i>hungrig wie ein Bär</i>	<i>голодный как волк</i>	
10) <i>stehlen wie die Raben</i> (букв. красть как воронье)	<i>красть все, что только можно украсть</i>	Нефразеологический перевод; утрата образности; деметафоризация. Понятие «воровства» в русском языке иногда связывается с сорокой: «сорока-воровка».
11) <i>gefräßig wie ein Rabe</i>	<i>очень прожорливый</i>	
12) <i>bluten [schwitzen] wie ein Schwein</i>	<i>(груб.) исходить кровью (потом)</i>	Прямая передача переносного значения; деметафоризация
13) <i>sich wie ein Zaunkönig freuen</i> (разг. шутл.) (крапивник)	<i>петь от радости; ликовать</i>	Крапивник, маленькая птичка, встречается по всей Европе. Он необыкновенно подвижен и поет почти весь год, даже зимой. Эта особенность птицы дала повод для сравнения. Нефразеологический перевод; деметафоризация.
14) <i>sich winden wie ein Aal</i> (угорь)	<i>извиваться ужом</i>	Образ угря, змеевидной рыбы, лег в основу данного сравнения. Перевод аналогом.
15) <i>wie ein Hund</i>	<i>чувствовать себя</i>	Перевод аналогом (замена

<i>gehetzt sein</i> (собака)	<i>как загнанная лошадь</i>	образа).
16) <i>er schüttet's ab wie der Hund den Regen</i>	<i>ему как с гуся вода</i>	Перевод аналогом (замена образа).
17) <i>dastehen wie die Kuh vorm neuen Tor</i> (букв. стоять как корова перед новыми воротами)	<i>установиться как баран на новые ворота</i>	Перевод аналогом: меняется образ, представленный в ИЯ и ПЯ разными зоонимами, коннотации остаются.
18) <i>dastehen wie der Ochse am Berge</i> (букв. стоять как бык у горы)		
19) <i>aufgeputzt [geschmückt] wie ein Pfingstochse</i>	<i>выряженный, расфуфыренный</i>	По старому южнонемецкому обычаю быка в первый день выгона на пастбище украшали венками и лентами. Этот обычай нашел отражение во ФЕ. Нефразеологический перевод; «выпрямление» стилистического значения.
20) <i>gesund wie ein Fisch im Wasser</i>	<i>свеж как огурчик</i>	Перевод аналогом.
21) <i>ihm ist so wohl wie dem Vogel im Hanfsamen</i> (букв. как птица в конопляных семенах)	<i>как сыр в масле кататься</i>	Во всех трех случаях выполнен перевод аналогом (замена образа).
22) <i>wie die Made im Specksitzen</i> (букв. как личинка в куске шпика)		
23) <i>wie die Mäuse in der Speckseite leben</i> (букв. как мышь в куске шпика)		
24) <i>das passt dazu wie der Igel zum Handtuch</i> (букв. это подходит как ежу полотенце)	<i>это подходит как корове седло</i>	Перевод аналогом (замена образа).
25) <i>das past ihm wie der Sau das Halsband</i> (букв. это подходит		

как свинье ошейник)		
26) <i>wie ein begossener Pudel</i> [dastehen, abziehen]	<i>как побитая собака; поджавший хвост</i>	Перевод аналогом.

Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе большинства немецких компаративных фразеологизмов, в основу которых положены образы из растительного и животного мира, преобладают два способа (примерно в равной степени): аналоговая замена (фразеологический перевод) и описательный перевод, сопровождающийся «выпрямлением» стилистического значения (нефразеологический перевод).

3.1.3. Историческая эпоха в компаративных фразеологизмах

Оставили свой след в языке в виде лексических или фразеологических единиц также и разные исторические эпохи. Хотя стоит отметить, сравнения, заключающие в себе исторические коннотации и лежащие в основе фразеологических оборотов, сравнительно немногочисленны.

Таблица 3.3.

Историческая эпоха в компаративных фразеологических единицах

Сравнение немецкого языка	Русское соответствие	Комментарий
1) <i>als wenn der Schwed dagewesen wär</i> (букв. <i>будто швед побывал</i>)	<i>как Мамай прошел; полнейший беспорядок</i>	Образ, положенный в основу этого фразеологизма, восходит к событиям Тридцатилетней войны (1618-1648), в ходе которой Шведская армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. В первом случае – символический образ ИЯ заменен узуальным аналогом ПЯ (перевод аналогом); во втором случае произошла утрата сигнификативных коннотаций, т.е. деметафоризация образного выражения.
2) <i>rangehen wie</i>	<i>действовать</i>	Блюхер – прусский фельдмаршал

<i>Blücher</i> (букв. ринуться в бой как Блюхер)	<i>решиительно</i>	времен войн против Наполеона, отличался необыкновенной решительностью и храбростью. Как правило, первым атаковал противника, несмотря ни на что. «Выпрямление» стилистического значения, деме́тафоризация.
3) <i>es abwarten wie die Hanauer</i> (букв. ждать как ганауэцы);	<i>ожидать напрасно</i>	Фразеологизм восходит к событиям 1813 г. Союзное командование замедлило преследование отступающего Наполеона после разгрома его армии в Лейпцигском сражении. Он подошел к Ганау и всей своей армией атаковал австро-баварскую армию, в итоге последняя была разгромлена. Нефразеологический перевод; деме́тафоризация образного выражения.
4) <i>Er wandte sich an Ravic mit einer Formalität, als wäre er am Hofe Philipps II</i> [Ремарк, 53].	<i>Он обратился к Равику с такой церемонностью, словно находился при дворе Филиппа II</i> [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева].	Филипп II, исп. король из династии Габсбургов, стремился к установлению абсолютной власти. Он считал, что его подданные должны были проявлять к нему непоколебимую преданность. Перевод калькированием.
5) <i>erschossen sein wie Robert Blum</i> (букв. быть расстрелянным как Роберт Блум)	<i>глупо попасться, погибнуть</i>	ФЕ напоминает об известном политическом деятеле и публицисте XIX в.. С начала революции 1848 г. он возглавлял саксонскую демократическую партию. После падения Вены был арестован и расстрелян по приговору австрийского военного суда. Он спокойно сидел за беседой в гостинице, как вдруг гостиница была окружена солдатами. Нефразеологический перевод, деме́тафоризация.
6) <i>das kannst du machen wie der Pfarrer Aßmann</i> (букв. ты можешь	<i>делай как хочешь</i>	ФЕ восходит к именам гессенского священника Рассмана и тюрингского священника Ассмана, руководствовавшихся в своих действиях принципом: «делаю как

это сделать как священник Ассман)		хочу». Деметафоризация.
7) <i>fluchen wie ein Landsknecht</i> (букв. ругаться как ландскнехт)	ругаться на чем свет стоит	Ландскнехты, немецкая наемная пехота в XV-XVII вв., особенно отличались в ругани. Деметафоризация (перевод осуществлен фразеологической единицей, но так как в ее структуре не содержится сравнения, образность не сохранена в полной мере).

Таким образом, при переводе компаративных ФЕ, в основе которых лежит исторический образ, в большинстве случаев приходится жертвовать той долей колорита, которая сохранилась во фразеологизмах ИЯ, и использовать нефразеологические средства перевода. При переводе ФЕ с национальным колоритом С. Влахов и С. Флорин руководствуются следующим правилом: «никогда не подменять английский (в нашем случае немецкий) колорит русским: лучше вообще отказаться от передачи национального обличия подлинника, чем рядить кого-либо в кафтан с чужого плеча» [Влахов, Флорин 1980: 204]. Согласно этой точки зрения, описательный перевод «*полнейший беспорядок*» немецкого фразеологизма «*als wenn der Schwed dagewesen wär*» более предпочтителен, чем перевод русским аналогом «*как Мамай прошел*».

Д.Г. Мальцева также рассматривает перевод национально-специфических ФЕ. «Основная масса единиц с национально-культурной семантикой (...) не поддаются переводу на русский язык через фразеологизм, т.е. фразеологическим путем. И это понятно. В единицах этой группы отражены события и факты, не имеющие места в другой культуре. В этом заключается их национальная специфика. Перевод этих единиц на русский язык через соответствующий фразеологизм просто немыслим, поэтому их значение передается или путем калькирования, или описательно с соответствующим комментарием относительно их возникновения и употребления» [Мальцева 1991: 23-24].

3.2. Перевод немецких компаративных сложных прилагательных

К компаративным сложным прилагательным мы относим композиты, компоненты которых связаны между собой отношениями сравнения. Другими словами, сравнение входит в семантическую структуру микроконтекстов, выраженных прилагательными или существительными (т.е. являются одним из компонентов композитов). В данном разделе нашей работы мы рассмотрим такие композиты более подробно, акцентируя внимание, прежде всего, на возможностях их передачи на русский язык, и постараемся в итоге, систематизировав найденные примеры, вывести общие способы их перевода.

При передаче немецких сложных прилагательных переводчику нередко приходится прибегать к различным трансформациям. Н.Л. Гильченко, рассматривая данный вопрос, дает достаточно подробное объяснение причины преобразований, необходимых для достижения адекватного перевода.

Словосложение является одним из основных способов словообразования прилагательных в немецком языке. По типу связи между компонентами сложные прилагательные подразделяются на сочинительные, подчинительные или определительные, и сложно-производные.

В сложении прилагательных в немецком и русском языках наблюдаются черты сходства, которые особенно прослеживаются в модели сочинительных прилагательных: *russisch-deutsch* – русско-немецкий, *taub-stumm* – глухонемой. Среди прилагательных с подчинительной связью компонентов сходно образование прилагательных, обозначающих оттенки, интенсивность цвета, качества: *hellgrün* – светло-зеленый, *kaltblutig* – хладнокровный, а также сложных прилагательных со вторым компонентом-причастием: *frischrasiert* – свежевыбритый. В обоих языках представлены серийные образования с частотными компонентами. Однако существенное различие состоит в том, что в немецком языке лексическое наполнение моделей практически не ограничено сочетаемостью основ, что позволяет свободно образовывать сложные прилагательные в процессе речи, причем достаточно часто с нарушением

внутренней валентности. В то время как в русском языке речевое использование сложения прилагательных также возможно, необычное, нарушающее привычные ассоциации сочетание основ в рамках сложного прилагательного и словосочетания «сложное прилагательное + существительное» значительно менее распространено, чем в немецком языке, а спектр логико-семантических отношений между компонентами достаточно ограничен. Часто компоненты немецких сложных прилагательных имеют эквиваленты в русском языке, однако они не могут из-за расхождения в сочетаемости лексических единиц быть непосредственно соединенными в сложное слово и как соответствие немецкому компоненту выступают в форме разнообразных синтаксических конструкций [Гильченко 2005: 134-137].

Итак, между компонентами немецких определительных сложных прилагательных наблюдаются разнообразные логико-семантические отношения (в первую очередь, это отношения сравнения, а также причинно-следственные отношения, объектные отношения). Теперь перейдем непосредственно к сложным прилагательным, выражающим сравнение, и рассмотрим возможные способы их перевода.

Как известно, лексическое значение слова состоит из денотативного и коннотативного компонентов. Первый отражает логическое понятие, а второй – дополнительные оттенки, созвучия, значения вторичной номинации. Так, в случае, если в языке перевода имеется единица, эквивалентная исходной единице, как по своему денотативному значению, так и по своим коннотациям, никаких переводческих сложностей не возникает. Передача всей информации осуществляется способом **простой подстановки** (системным эквивалентом):

- 1) *blutrot* – кроваво-красный,
- 2) *schneeweiß* – белоснежный,
- 3) *grasgrün* – травянисто-зеленый,
- 4) *kirschrot* – вишнево-красный.

План выражения и план содержания у системных эквивалентов совпадает. По своей структуре русские прилагательные тоже являются сложными, как правило, состоящими из двух корней. К группе композитов, передаваемых на русский язык путем простой подстановки, отнесем и такие прилагательные, в переводе которых отсутствует эксплицитное выражение сравнительной основы (Vergleichsbasis), например:

5) *korallenrot* – коралловый,

6) *kornblumenblau* – васильковый (цвет).

Носителю русского языка понятно, что коралловый и васильковый – оттенки красного и голубого соответственно. Приведем другие примеры перевода немецких компаративных композитов простой подстановкой:

7) *ziegelrot* – кирпично-красный;

8) *rostrot* – ржаво-красный;

9) *kupferrot* – медно-красный;

10) *lachsrot* – лососево-красный;

11) *kanariengelb* – канареечный (о цвете);

12) *himmelblau* – небесно-голубой, лазоревый, лазурный;

13) *stahlblau* – стальной (о цвете) или цвета стали;

14) *tintenblau* – чернильного цвета;

15) *aschgrau* – пепельно-серый или пепельного цвета;

16) *mausgrau* – мышино-серый;

17) *oliv(e)grau* – оливковый, оливково-серый;

18) *oliv(e)grün* – оливковый, оливково-зеленый;

19) *limonengrün* – лаймово-зеленый;

20) *flaschengrün* – бутылочного цвета;

21) *kastanienbraun* – каштановый;

22) *rabenschwarz* – вороной (о лошадях);

23) *regenbogenfarben, regenbogenfarbig* – радужный;

24) *blitzschnell* – молниеносный;

- 25) *Die Mehrheit drängte auf eine blitzschnelle Vereinigung* [Deutschland 3/2010]. – Большинство настаивало на молниеносном объединении;
- 26) *...die pflaumenblaue Dämmerung wechselte und kam und ging...* [Ремарк, 237] – ...приходят и уходят сливово-синие сумерки... [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева];
- 27) *Dort, im eiskalten Vorzimmer... saß ich in jenen Monaten und Jahren, ein Buch in der Hand* [Цвейг, 8]. – Там, в ледяной проходной, я просиживала в засаде, с книгой в руках, целые вечера [Цвейг – пер. Горфинкеля];
- 28) *Und dort, in dem schmalen kleinen Gang, wo ich endlich wieder für ein paar Schritte gerade auf meiner Bahre lag, da war das besonders schöne, besonders bunte Bild des Alten Fritzen mit der himmelblauen Uniform* [Белль, 2]. – А на маленькой узкой площадке, где мне в течение нескольких секунд удалось лежать прямо на моих носилках, висел необыкновенно большой, необыкновенно яркий портрет старого Фридриха – в небесно-голубом мундире... [Белль – пер. Горкина];
- 29) *Neben ihm lag seine Mappe – und das kupferfarbene Buch* [Энде, 15]. – Рядом он положил сумку и заветную книгу в медно-красном переплете [Энде – пер. Исаевой, Лунгиной].

Многие немецкие компаративные сложные прилагательные переводятся сравнительной конструкцией с союзом «как» из-за несовпадения потенциальных возможностей словообразовательных моделей немецкого и русского языков. Например:

1) *messerscharf* – острый как нож,

2) *honigsüß* – сладкий как мед

и многие другие). Таким образом, с точки зрения структуры, используется **лексико-грамматическая трансформация**, так как одна лексема передается на русский язык словосочетанием, но при этом образность сохраняется:

3) *blutrot* – красный как кровь;

4) *ziegelrot* – красный как кирпич;

- 5) *kupferrot* – красный как медь;
- 6) *krebsrot* – красный как рак;
- 7) *maisgelb* – желтый как кукуруза;
- 8) *mandelweiß* – цвета очищенного миндаля;
- 9) *muschelweiß* – цвета морской раковины;
- 10) *schwanenweiß* – белый как лебедь;
- 11) *marineblau* – цвета морской волны;
- 12) *meergrün* – цвета морской волны;
- 13) *pechschwarz* – черный как смоль;
- 14) *regenbogenfarben, regenbogenfarbig* – всех цветов радуги;
- 15) *elefantendick* – толстый как слон;
- 16) *faust dick* – величиной с кулак;
- 17) *berghoch* – вышиной с гору;
- 18) *federleicht* – легкий как перышко;
- 19) *felsenfest* – твердый как скала;
- 20) *lammfromm* – смирный как овечка;
- 21) *bärenstark* – (разг.) здоровый, сильный как медведь;
- 22) *mäuschenstill* – тихий как мышка;
- 23) *totenblass* – бледный как смерть;
- 24) *pulverfein, pulvertrocken* – сухой как порошок;
- 25) *hundemüde* – усталый как собака (разг.);
- 26) *es ist taghell* – светло как днем;
- 27) *bärenzottig* – мохнатый как медведь;
- 28) *steinhart* – твердый как камень;
- 29) *Er hielt eine runde tellerweiße Küchenuhr vor sich hin und tupfte mit dem Finger die blaugemalten Zahlen ab* [Гильченко, 296]. – Он держал эти белые как тарелка часы перед собой и осторожно проводил пальцем по голубому циферблату [Борхерт – перевод наш]. Авторское сложное прилагательное *tellerweiß* передано компаративной конструкцией с союзом «как»;

30) *Das Kind wurde feuerrot und starrte ängstlich auf* [Цвейг, 289]. – *Мальчик покраснел до ушей и боязливо посмотрел на барона* [Цвейг – пер. Бернштейн]. В данном примере лексико-грамматическая трансформация обусловлена узусом ИЯ и ПЯ;

31) *In blitzschneller Verwandlung war das scheue verängstigte Kind von früher ein ausgelassener Bub* [Цвейг, 292]. – *Боязливый, запуганный ребенок с быстрой молнии преобразился в резвого шалуна* [Цвейг – пер. Бернштейн];

32) *Von der Suche nach dem Sinn des Lebens bis zum eiskalten Bergsteigerdrama* [Deutschland 6/2008]. – *От поисков смысла жизни до ледящей кровь драмы об альпинистах*;

33) *Es war, als sei die Welt einen Augenblick eingefroren und totenstill* [Ремарк, 219]. – *Весь мир будто застыл на мгновение в мертвой тишине* [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева];

34) *Tschanz ergriff wieder das Steuer, wenn auch totenbleich und zitternd* [Дюрренматт, 50]. – *Чанц взялся за руль, хотя был смертельно бледен и дрожал* [Дюрренматт – пер. Иллеш, Кацевой];

35) *... und in jeder Schneeschmelze führte der Wassersturz hausgroße Blöcke nieder* [Гессе, 2]. – *...и в каждую оттепель потоки талой воды низвергали огромные, величиной с дом глыбы...* [Гессе – пер. Эйвадиса];

36) *Hinter einer mannshohen Mauer aus Büchern, war der Schein einer Lampe zu sehen* [Энде, 2]. – *За сложенной из книг стеной высотой в человеческий рост горела лампа* [Энде – пер. Исаевой, Лунгиной];

37) *Ein alter kaiserbärtiger Dienstmann* [Цвейг, 17] – *старик посыльный с бородой, как у австрийского императора* [Цвейг – пер. Бернштейн];

38) *Insektenfüßige Lettern* [ebenda, 40] – *похожие на лапки насекомых печатные буквы*.

В вышеперечисленных примерах, несмотря на изменение структуры в ПЯ, сравниваемые образы единиц ИЯ и ПЯ совпадали. Так, исходя из того, какой образ положен в лексему или словосочетание в языке перевода, сохраняется ли он

или же утрачивается при переводе, мы будем говорить о **стилистических трансформациях** (см. раздел «способы перевода устойчивых сравнений»).

Перевод сложных прилагательных, заключающих в своей семантической структуре сравнение, может осуществляться адекватной заменой, а точнее заменой образа немецкого языка некоторым узуальным аналогом русского языка (далее этот прием будем называть в нашей работе **аналоговой заменой**). Н.Л. Гильченко говорит в этой связи об **устойчивых компаративных (сравнительных) словосочетаниях** русского языка, лексическое наполнение которых может отличаться от лексического состава немецкого сложного прилагательного [Гильченко 2005: 140] и показывает это на следующих примерах:

1) *Es ist der schneeweiße würdige alte Herr...* [Т. Манн] – Седой как лунь почтенный старец.

2) *...wanderten mit ihrem semmelblonden mit Wasser gekämmten Haar über die große Diele in das helle Gartenzimmer dort hinein.* [Т. Манн] – ...со светлыми как лен волосами, для гладкости смоченными водой, проходили они через нижние сени в дальнюю комнату с окнами в сад...

Das Brilliantendiadem aber in der ährenblonden Frisur, die Perlen und Smaragde auf dem Busen übertrafen an Gewicht und Strahlenglanz alles... [Т. Манн] – Бриллиантовая диадема в белесых как сноп пшеницы волосах, жемчуга и смарагды на груди затмевали самые дерзкие мечты... (лексико-грамматическая трансформация, образность сохраняется).

Первый пример иллюстрирует **расхождение в лексической сочетаемости**: прилагательное *schneeweiß* является согласованным определением к существительному *Herr*, что дословно перевести на русский язык невозможно. В переводе использовано устойчивое словосочетание «седой как лунь» (*старец*), адекватное немецкому прилагательному (узуальная подстановка). Во втором примере прилагательное *semmelblond* также передано устойчивым сравнением «светлый как лен». В третьем примере наблюдаем стремление дать

максимально близкий перевод (*die Ähre* – колос), однако сравнение цвета волос с целым снопом вряд ли удачно, к тому же не исключена реальная ассоциация «прическа как сноп». Между тем, достаточно близким был бы перевод также устойчивым словосочетанием «пшеничные волосы», «волосы цвета спелой пшеницы».

К другим примерам перевода аналоговой заменой относятся:

- 3) *karmesinrot* (das Karmesin – кармазин) – малинового цвета;
- 4) *hagelweiß* (der Hagel – град) – белоснежный;
- 5) *feldgrau* (das Feld – поле) – защитный (о сером цвете), защитного (серого, стального) цвета (об обмундировании);
- 6) *spindeldürr* (die Spindel – веретено; ходовой винт, стержень) – худой как щепка;
- 7) *gallenbitter* (die Galle – желчь) – горький как полынь;
- 8) *strohduhm* (das Stroh – солома) – глупый как пень, глупый как пробка;
- 9) *bärenstark* (der Bär – медведь) – здоровый как бык;
- 10) *steinpöttig* (der Stein – камень) – упрямый как осел;
- 11) *totenblass* (tot – мертвый) – бледный как полотно;
- 12) *fuchsrot* (der Fuchs – лиса) – огненно-рыжий;
- 13) *schiefergrau* (der Schiefer – сланец) – аспидно-серый (аспид – разновидность сланца, т.е. понятие «сланец» имеет генерализирующее значение по отношению к понятию «аспид»);
- 14) *schieferblau* – темный аспидно-синий;
- 15) *Das Gesicht, dieses Gesicht, es muss eine Ähnlichkeit sein, irgendeine hundsgemeine, verfluchte Ähnlichkeit, ein blöder Trick, den meine Nerven mir spielen...* [Ремарк, 82] – Лицо, его лицо... видимо, просто случайное сходство, какое-то дьявольское, проклятое сходство, нелепая игра больного воображения... [Ремарк – пер. Шрайбера, Кремнева];
- 16) *Unwillkürlich, wider meinen innersten Drang, der sich sehnte, Deine Augen zu fühlen, senkte ich den Kopf und lief blitzschnell wie gehetzt an Dir vorbei* [Цвейг, 14]. –

И невольно, вопреки страстному желанию ощутить на себе твой взгляд, я опустила голову и стрелой промчалась мимо тебя [Цвейг – пер. Горфинкеля];

17) *Aber plötzlich – mir war, als hätte etwas Kaltes oder etwas Glühendheiβes sich mir jäh aufs Herz gelegt* [Цвейг, 26]. – Но вдруг словно ледяным холодом или огненным жаром обдало мое сердце [Цвейг – пер. Горфинкеля].

Л.К. Латышев называет данный прием адекватной заменой. Необходимость использования адекватной замены обусловлено **несовпадением денотативных значений и совпадением сигнификативных коннотаций**. При таком несовпадении «обмен» единиц может осуществляться только по коннотативному значению, денотативное значение не воспроизводится, а поскольку в отличие от других компонентов значения денотативный компонент всегда присутствует в семантике языкового знака, он заменяется тем денотативным компонентом, который «находится в комбинации» с искомой коннотацией [Латышев 1981:132]. На этом вопросе, а именно на передаче коннотаций, мы уже останавливались (см. раздел «способы перевода устойчивых сравнений»).

Стилистические трансформации могут выражаться и в «**выпрямлении значения**» или, другими словами, **утрате сигнификативных коннотаций**, т.е. в передаче образного слова или оборота прямой номинацией (**деметафоризации**) [Дзенс, Перевышина, Кошкарров 2005: 70]. Этот прием используется при переводе следующих компаративных композитов:

- 1) *kadettenblau* – серо-синий (утрачивается образ, восходящий к *синей форме кадетов*);
- 2) *blütenweiß* (букв. как цветок) – нежно-белый;
- 3) *goldrutengelb* (букв. желтый как цветы золотарника) – ярко-желтый;
- 4) *hechtblau* (букв. как щука) – сизый; *hechtgrau* – иссиня-серый;
- 5) *taubengrau* (букв. серый как голубь) – сизый;
- 6) *paragaiengrün* (букв. как попугай) – ярко-зеленый;
- 7) *rehbraun* (букв. как косуля) – рыжеватый/саврасый;
- 8) *eisgrau* (букв. как лед) – седой;

- 9) *sattelbraun* (букв. как седло) – коричневый;
- 10) *rabenschwarz* (букв. как ворон) – иссиня-черный;
- 11) *federschlank* (букв. как перышко) – *очень стройный*;
- 12) *federweich* (букв. как перышко) – *очень мягкий*;
- 13) *baumlang* (букв. как дерево) – *огромный, громадный*; (разг.) *длинный-предлинный, длиннющий*;
- 14) *fuchswild* (букв. как лиса) – (разг.) *разъяренный, расвирепевший*;
- 15) *hasenherzig* (букв. как заяц) – *трусливый, робкий, малодушный*;
- 16) *mausetot* (букв. как мышь) – *мертвехонький /совершенно безжизненный*;
- 17) *hundsgemein* (букв. как собака) – *низкий/подлый*;
- 18) *glockenrein, glockenhell* (букв. как колокольчик) – *серебристый, звонкий* (о звуке, голосе);
- 19) *blutjung* (das Blut – кровь) – *совсем юный*;
- 20) *bildschön* (das Bild – картина) – *прекрасный*;
- 21) *brandrabenschwarz* (der Brand – пожар, der Rabe – ворон) – *огненно-черный* (сохранение первого образа и утрата второго, следовательно, частичная деме́тафоризация);
- 22) *Sie hatte einen wilden, pechschwarzen Lockenkopf* [Энде, 4]. – *У нее были буйные, иссиня-черные кудри* [Энде – пер. Коринца];
- 23) *Sie hatte sehr große, wunderschöne und ebenfalls pechschwarze Augen* [ebenda, 4]. – *... большие, удивительно красивые глаза, тоже черные*;
- 24) *Er glich einer pechschwarzen, fellbedeckten Raupe* [Энде, 17]. – *Он был похож на черную мохнатую гусеницу* [Энде – пер. Исаевой, Лунгиной].

Хотя в таких примерах как *totenblass* – *бледный как полотно*; *fuchsröt* – *огненно-рыжий* и др., помимо замены образа, происходит также и изменение грамматической структуры, релевантным признаком будем считать их различные образные основы, а способом перевода – аналоговую замену.

Немало компаративных сложных прилагательных зафиксировано в словарях. Следовательно, их можно назвать **системными эквивалентами**.

Говоря о производимых в процессе перевода отступлениях от оригинала, весьма уместно процитировать А.В. Федорова: «Сравнивая переводы с подлинниками, постоянно приходится наблюдать вполне закономерные отступления от дословности: текст перевода то сужается, то расширяется, то перестраивается сравнительно с подлинником» [Федоров 2002: 191]. При этом А.В. Федоров считает, что такие отступления могут быть обусловлены лексико-стилистическими требованиями (нормой сочетаемости) в языке перевода, а также требованиями лексико-морфологического порядка. Так, при переводе немецких компаративных композитов иногда предложение в ПЯ подвергается целостному преобразованию:

- 1) *Es überlief ihn eiskalt* [Дюрренматт, 67]. – *Мороз прошел по его коже* [Дюрренматт – пер. Иллеш, Кацевой];
- 2) *Siedendheiß fiel ihm plötzlich ein, dass er schon viel zu spät in die Schule kommen würde* [Энде, 7]. – *И вдруг его прямо в жар бросило... Ведь он опаздывает в школу!* [Энде – пер. Исаевой, Лунгиной].

В произведениях художественной литературы встречается также немало, так называемых, авторских сложных прилагательных. Передача таких композитов с компаративным компонентом нередко представляет определенные трудности для переводчика. Если сложное прилагательное содержит неожиданное сравнение и образовано с нарушением внутренней валентности, то переводящие конструкции могут иметь различные, более сложные структуры. Как свидетельствует переводческая практика, сложные прилагательные, образованные с нарушением внутренней валентности требуют перевода развернутыми конструкциями. Например: *Sie hocken im Gedämmer und Gediese der Häuserschatten, torwegscheu, teerdunkel und pflastermüde* [Борхерт]. – *Они сидят в темной тени домов, страиась подворотен, черные как деготь, уставшие как изъезженная мостовая.* В этом примере окказиональное прилагательное, содержащее сравнение *teerdunkel* переведено оборотом с союзом «как» – *черные как деготь* (*der Teer* – *деготь*; лексико-грамматическая трансформация), а значение неожиданного по

лексическому наполнению прилагательного *pflastermüde* раскрыто распространенным сравнительным оборотом [Гильченко 2005: 141, 143]. Подобное происходит и в следующем примере: *Die turmdicken Stämme knarrten und ächzten* [Энде, 15]. – Толстенные, в несколько обхватов, стволы скрипели и стонали [Энде – пер. Исаевой, Лунгиной]. Когда мы говорим о переводе сложных прилагательных-окказионализмах, следует учитывать то, что они являются структурными экзотизмами, которым не может быть такого же структурного соответствия в языке перевода в силу расхождения в потенциальных возможностях словообразовательных моделей ИЯ и ПЯ.

Для перевода определенных прилагательных необходимо владение фоновыми знаниями. Речь идет о прецедентных номинациях. Рассмотрим следующие композиты:

tizianrot (*rot, wie auf Gemälden Tizians*), а также *tizianblond* – *тициановый, золотисто-рыжий (о волосах)*, названный в честь итальянского художника Тициана. Золотисто-красный цветовой тон, который Тициан часто использовал при изображении женских волос, является фоновой информацией, содержащейся имплицитно в номинациях ИЯ и ПЯ. Этот цвет символизирует страсть. Перевод «*тициановый*» осуществлен простой подстановкой – прилагательным с имплицитно выраженной сравнительной основой; сочинительное прилагательное «*золотисто-рыжий*» является результатом экспликации фоновой информации, сопровождающейся утратой образности (деметафоризация);

königsblau – *кобальтовый синий цвет (словарн.)* (перевод адекватной заменой) или *королевский синий* (простая подстановка). Название этого цвета восходит к синим формам и ливреям, которые носили лейб-гвардейцы и придворные французских королей, начиная с Людовика XIV;

bischofslila (*lila wie die Kleidung der Bischöfe*), *kardinalrot* (*rot wie die Kleidung der Kardinale*) – *фиолетово-красный (цвет) (словарн.)* (прием деметафоризации). Служащие католической церкви традиционно носят одежду фиолетового цвета. Отсюда в немецком языке такие слова как «*Bischofslila*», «*Kardinalspurpur*». В

евангелической церкви фиолетовый цвет считается церковным цветом (белые флаги с фиолетовым крестом в церковные съезды евангелической церкви). Фиолетовый цвет также относится ко времени поста и покаяния.

Как мы видим, их значение не выводится однозначно из значения непосредственных составляющих. Необходимо знать экстралингвистическую информацию, фоновую информацию, содержащуюся в ИЯ имплицитно.

Выводы по главе III

Мы рассмотрели возможные способы перевода около 100 устойчивых компаративных фразеологических единиц (включая культурно-специфические). Из них:

- полным (абсолютным) эквивалентом были переведены 16;
- относительным эквивалентом – 15;
- аналоговой заменой – 41;
- лексическим переводом – 3;
- калькированием – 1;
- описательным переводом, сопровождающимся «выпрямлением» стилистического значения – 24.

Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе немецких устойчивых сравнений преобладает использование стилистических трансформаций: замена образа и деме́тафоризация или «выпрямление» стилистического значения.

В данной главе мы также рассмотрели 118 немецких компаративных композитов, из них:

- простой подстановкой (системными эквивалентами) были переведены 31 (26%);
- лексико-грамматическими трансформациями с сохранением образной основы – 41 (35%);
- стилистическими трансформациями:
 - а) аналоговой заменой – 18 (15%);
 - б) приемом деме́тафоризации (т.е. единицами с «выпрямленным» стилистическим значением) – 26 (22%);
 - в) целостным преобразованием предложения – 2 (\cong 2%).

Преобладание лексико-грамматических трансформаций при переводе немецких компаративных композитов объясняется структурными особенностями русского языка, различными моделями словообразования в немецком и русском языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашем исследовании были рассмотрены немецкие сравнения, функционирующие в языке и художественной речи. Сравнение мы определяем как фигуру речи, состоящую в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака (*tertium comparationis*), общего с первым.

Мы, вслед за многими лингвистами (Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс, Н.М. Наер) отводим сравнению промежуточное положение среди средств наглядности и образности.

Сравнение может выполнять в тексте разнообразные функции: стилистическую, эвристическую, структурно-композиционную, прагматическую функции.

Мы рассмотрели классификации сравнений в зависимости от их прагматического воздействия (сравнения, возникающие на основе прямого и переносного значений), частотности употребления в языке (устойчивые и индивидуальные сравнения), от их структуры (простые, распространенные, развернутые сравнения, компаративные композиты, придаточные ирреального сравнения).

В нашей работе мы также рассмотрели возможные способы перевода двух обширных групп сравнений, которые, на наш взгляд, представляют особый интерес в области переводоведения: устойчивые сравнения (или компаративные фразеологизмы) и компаративные сложные прилагательные. Культурно-специфические сравнения отражают языковую картину мира, стереотипы национальной культуры, мировидение всего языкового коллектива. Эту группу сравнений мы достаточно подробно рассматривали в составе устойчивых сравнений. Для вывода возможных способов перевода сравнений мы проводили сопоставительный анализ немецких сравнений и их русских соответствий. В итоге мы получили следующие результаты.

Мы рассмотрели возможные способы перевода около 100 устойчивых компаративных фразеологических единиц (включая культурно-специфические).

Устойчивые сравнения создают немалые трудности при переводе, поскольку они не совпадают в немецком и русском языках по ряду параметров. Основными трудностями являются отсутствие исходного сравнения в русском языке, национальная специфика образа, состоящая в различном ассоциативном и оценочном потенциале немецких и русских сравнений. Образность устойчивых сравнений является одной из их важнейших характеристик, влияющих на перевод. В большинстве случаев образ немецкого и русского сравнений не совпадает. В целях достижения адекватной передачи образности сравнений переводчик прибегает к аналогу, подбирая его в соответствии с узусом ПЯ. Таким образом, в нашем исследовании наиболее частотным способом перевода оказались стилистические трансформации: аналоговая замена (фразеологический перевод), характеризующаяся заменой образа ФЕ немецкого языка на узуальный, традиционный образ русского языка, и описательный перевод, передающий смысловое содержание немецкой ФЕ, но сопровождающийся при этом «выпрямлением» стилистического значения (нефразеологический перевод).

При переводе немецких компаративных композитов наиболее часто используются лексико-грамматические трансформации, как с сохранением образа, так и с заменой его на узуальный для русского языка. И это вполне понятно, так как словосложение получило более широкое распространение в немецком языке, чем в русском, где чаще используются другие модели словообразования. Следствием этого является необходимость изменения грамматической структуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение [Текст]: учеб. пособие / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический фак. СПбГУ, изд. центр Академия, 2004. – 352 с.
2. Архипов, А.Ф. Самоучитель перевода с немецкого языка на русский [Текст]: учеб. пособие / А.Ф. Архипов. – М.: Высшая школа, 1991. – 255 с.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст]: изд. 3-е, стер. – М.: КомКнига, 2005. – 576 с.
4. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст]: учеб. пособие / Л.С. Бархударов. – М., Международные отношения, 1975. – 240 с.
5. Богатырева, Н.А. Стилистика современного немецкого языка [Текст]: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Н.А. Богатырева, Л.А. Ноздрина. – 2-е изд. стер. – М.: Изд. центр Академия, 2008. – 336 с.
6. Брандес, М.П. Стилистика немецкого языка [Текст]: учеб. пособие для институтов и фак. иностр. яз. / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1983. – 271 с.
7. Виноградов, В.В. Лексические вопросы перевода художественной прозы [Текст]: учеб. пособие / В.В. Виноградов. – М.: Издательство МГУ, 1978. – 173 с.
8. Влахов, С. Непере译имое в переводе [Текст]: учеб. пособие / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Издательство «Международные отношения», 1980. – 341 с.
9. Гильченко, Н.Л. Практикум по переводу с немецкого на русский [Текст]: учеб. пособие / Н.Л. Гильченко. – СПб: КАРО, 2005. – 368 с.
10. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка [Текст]: учеб. пособие / И.Б. Голуб. – 5-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 448 с.
11. Денисова, Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Л. Денисова. – Самара, 2009. – 25 с.
12. Дзенс, Н.И. Теория и практика перевода [Текст]: учеб. пособие по переводу с немецкого языка на русский и с русского на немецкий / Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина, В.А. Кошкарлов. – Белгород, 2005. – 255 с.

13. Ермишин, О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости [Текст]: сб. афоризмов / О. Ермишин. – М.: Просвещение, 2006. – 1695 с.
14. Захарова, Т.В. Концепт сравнение и его репрезентация в немецком и русском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Захарова. – Уфа, 2009. – 201 с.
15. Казакова, Т.А. Художественный перевод. Теория и практика [Текст]: учеб. пособие / Т.А. Казакова. – СПб.: Инъязиздат, 2006. – 535 с.
16. Квятковский, А.П. Поэтический словарь [Текст]: науч. ред. И. Роднянская. – М.: Сов. Энцикл., 1966. – 376 с.
17. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.
18. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст]: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
19. Кострова, О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка [Текст]: учеб. пособие / О.А. Кострова. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 240 с.
20. Латышев, Л.К. Übersetzungslehre in Wort und Beispiel = Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения [Текст]: учеб. пособие для изучающих нем. яз. / Л.К. Латышев. – М.: Междунар. Отношения, 1981. – 248 с.
21. Латышев, Л.К. Технология перевода [Текст]: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Л.К. Латышев. – 4-е изд., стер. – М.: Изд. центр Академия, 2008. – 320 с.
22. Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка [Текст]: краткий тематический словарь / Л.А. Лебедева. – Краснодар, КГУ, 2003. – 300 с.
23. Левина, Е.А. Сравнения в немецких радиотекстах: семантика, структура, функции [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Левина. – Саранск, 2006. – 169 с.

24. Мальцева, Д.Г. Германия: страна и язык [Текст]: лингвострановедческий словарь / Д.Г. Мальцева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. Русские словари: ООО Изд. Астрель: ООО Изд. АСТ, 2001. – 416 с.
25. Мальцева, Д.Г. Страноведение через фразеологизмы [Текст]: учеб. пособие по немецкому языку / Д.Г. Мальцева. – М.: Высшая школа, 1991. – 173 с.
26. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст]: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Изд. центр Академия, 2004. – 208 с.
27. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода [Текст]: учеб. пособие / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.
28. Мокиенко, В.М. Фразеология, текст и лингвострановедение [Текст]: учеб. пособие / В.М. Мокиенко. – М.: Русский язык, 1987. – 253 с.
29. Наер, Н.М. Стилистика немецкого языка [Текст]: учеб. пособие / Н.М. Наер. – М.: Высшая школа, 2006. – 271 с.
30. Новикова, Е.В. Эталоны сравнения в немецкой языковой картине мира [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Новикова. – Омск, 2006. – 156 с.
31. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии [Текст]: монография / В.М. Огольцев. – М.: Книжный дом Либроком, 2010. – 192 с.
32. Прохоров, А.М. Российский энциклопедический словарь [Текст]: словарь в 2 кн. / гл. ред.: А.М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 2015 с.
33. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии [Текст]: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
34. Роганова, З.Е. Пособие по переводу с немецкого языка на русский [Текст]: учеб. пособие / З.Е. Роганова. – М.: Изд-во литер. на иностр. языке, 1961. – 303 с.
35. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка [Текст]: учеб. пособие / Д.Э. Розенталь. – 3-е изд., исп. и доп. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.

36. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст]: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
37. Ружицкая, Э.А. Особенности степеней сравнения в лексике немецкого языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Ружицкая. – Москва, 1998. – 155 с.
38. Рыженкова, А.А. Авторские преобразования устойчивых сравнений как объект перевода: на материале английского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А.А. Рыженкова. – СПб., 2009. – 21 с.
39. Степанова, М.Д. Лексикология современного немецкого языка [Текст]: учеб. пособие для студ. лингв. и пед. фак. высш. учеб. заведений / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – 2-е изд., испр. – М.: Изд. центр Академия, 2005. – 256 с.
40. Федоров, А.В. Введение в теорию перевода [Текст]: учеб. пособие / А.В. Федоров. – М.: Изд. литературы на иностранных языках, 1958. – 376 с.
41. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) [Текст]: учеб. пособие для институтов и факультетов иностр. языков / А.В. Федоров. – 5-е изд. – М.: Изд. дом Филология три, 2002. – 416 с.
42. Федосеева, Н.С. Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Федосеева. – Нижний Новгород, 1997. – 17 с.
43. Brugger, H.P. Der treffende Vergleich [Text]: Sammlung treffsicherer Vergleiche und bildhafter Formulierungen. – Thun, 1993. – 261 S.
44. Duden. Redewendungen. [Text]: Wörterbuch der deutschen Idiomatik, Band 11. – Mannheim: Dudenverlag, 2008. – 959 S.
45. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache [Text] / W. Fleischer. – Leipzig: Bibliogr. Inst., 1982. – 250 S.
46. Riesel, E. Deutsche Stilistik [Text]: Lehrbuch / E. Riesel, E. Schendels. – М.: Hochschule, 1975. – 316 S.

47. Sowinski, B. Deutsche Stilistik [Text]: Lehrbuch / B. Sowinski. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. – 270 S.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Белль, Г. Путник, придешь когда в Спа... [Электронный ресурс] / Böll H. Wanderer, kommst du nach Spa... Пер. с нем. – И. Горкина. – Режим доступа: www.franklang.ru

2. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь [Текст] / Л.Э. Бинович. – М.: Аквариум, 1995. – 768 с.

3. Гессе, Г. Петер Каменцинд [Электронный ресурс] / пер. с нем. Р. Эйвадиса. – Режим доступа: www.franklang.ru

4. Гильченко, Н.Л. Практикум по переводу научных и публицистических текстов с немецкого языка на русский [Текст] / Н.Л. Гильченко. – СПб.: КАРО, 2008. – 352 с.

5. Дюрренматт, Ф. Судья и его палач [Электронный ресурс] / Dürrenmatt. Der Richter und sein Henker. Пер. с нем. Т. Иллеш, Е. Кацевой. – Режим доступа: www.franklang.ru

6. Зюскинд, П. Парфюмер [Электронный ресурс] / пер. с нем. Э. Венгеровой. – www.franklang.ru

7. Мальцева, Д.Г. Германия: лингвострановедческий словарь [Текст] –2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. Русские словари: Изд. Астрель: Изд. АСТ, 2001. – 416 с.

8. Москальская, О.И. Большой немецко-русский словарь: в 3 т. [Текст] /Авт.-сост. Е.И. Лепинг, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг и др.; Под общ. рук. О.И. Москальской. – 9-е изд., стер. – М.: Русский язык, 2004. – 1461 с.

9. Ремарк, Э.М. На западном фронте без перемен. Три товарища. Триумфальная арка [Текст]: романы: пер. с нем./Э.М. Ремарк. – М.: НФ Пушкинская библиотека, Изд. АСТ, 2002. – 956 с.

10. Ремарк, Э.М. Триумфальная арка [Текст]: роман: Книга для чтения на немецком языке. – СПб.: КОРОНА принт, КАРО, 2005. – 480 с. – (Originallektüre)
11. Цвейг, С. Мендель – букинист [Электронный ресурс] / пер. с нем. П. Бернштейн. – Режим доступа: www.lib.ru
12. Цвейг, С. Письмо незнакомки [Текст] / на немецком языке. – М.: Студия АРДИС, 2004. – 32 с.
13. Цвейг, С. Свадьба в Лионе. Новеллы [Текст]: книга для чтения на немецком языке. – СПб.: КАРО, 2007. – 544 с.
14. Шульце, И. 33 мгновения счастья: Записки немцев о приключениях в Питере [Текст] / пер. с нем. А.Г. Березиной. – СПб.: Издательство имени Н.И.Новикова, 2000. – 269 с.
15. Энде, М. Бесконечная история [Электронный ресурс] / пер. с нем. А. Исаевой, Л. Лунгиной. – Режим доступа: www.franklang.ru
16. Энде, М. Момо [Электронный ресурс] / пер. с нем. Ю. Коринца. – Режим доступа: www.franklang.ru
17. Юдина, Е.В. Русско-немецкий и немецко-русский словарь наречий, адverbиальных словосочетаний и эквивалентных слов [Текст]. – СПб.: КАРО, 2007. – 448 с.
18. Deutschland [Text]: № 3/2010, № 6/2008, № 1/2010.
19. Kulturchronik [Text]: Nachrichten und Berichte aus der Bundesrepublik Deutschland. – Bonn VG Bild-Kunst № 3, 2000.